
Стас Степанов
Лада. Рысь
Книга 1
Начало: часть 2
18+

Стас Степанов

Лада. Рысь. Книга 1. Начало: часть 2

https://litres.ru/74785027
SelfPub; 2026

Аннотация

Лютуют чёрные мутанты в поисках источников силы для Хозяина-Кощуна, зло творят неимоверное, на пути своём безжалостно людей убивают, не щадя ни стариков, ни детей. А в это время странная компания пополняется новым участником, отчего шансы на победу над тьмущими рабами немного увеличиваются. Однако и зло не дремлет, оно разрастается и ширится в своих возможностях. Битва детей Матери и рабов Тьмы уж точно не за горами.

Содержание

Глава 1. Бой потери и новая надежда 4
Глава 2. Медвежий забег 42
Глава 3. Битва с Тьмой и нежданное Чудо 62
Глава 4. Участковый и ведунья 92
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Лада. Рысь. Книга 1. Начало: часть 2

Глава 1. Бой потери и новая надежда

Сносная на вид просёлочная грунтовая автомобильная дорога (и это после ночного проливного дождя!), пересекавшая надвое здешнюю тайгу от всхожих участков злаковых полей, вывела неутомимую троицу к месту свежей трагедии. Хотя восстановившийся после потери тёмный шлейф, непреднамеренно испускаемый ставленниками Тьмы (именно с большой буквы, не иначе!), вёл непосредственно через дебри леса, оные неразумно держались дорожной ленты, немного в стороне, очевидно, убоявшись быть увиденными со случайных проезжающих по ней машин, гужевых повозок или ещё чего. У бурых медведей и так-то недурственный слух, а уж у мутантов и вовсе должен обостриться до предела – заслышали звук двигателя али иные подозрительные и загодя нырнули в чащу, пропуская опасность. По крайней мере так поступила бы Лада: чем удобнее стелется под ноженьки дорожка, тем меньше устаёшь, быстрее и дольше движешься,

имея шанс оторваться от назойливого преследователя. Логику нежити и его приспешников ей, вероятно, не понять. Как говорится в мудрой пословице – баба с возу, мне легче! А-а – кобыле легче! Но она же не лошадь!

Кровавую оргию за версту почувствовала не одна девушка – Дружок тоже обладал уникальным чутьём, в разы превосходящим оное среднестатистических собак. Потому ощутил смертную тоску немногим позже Рыси.

А выйдя к хуторскому тыну с «мясом» выдернутой калиткой и отброшенной во двор, Лада резко замерла, чуть разведя руки, округлив губы и в ужасе глаза. На неё нахлынули чёткие – более чёткие, чем на левом берегу пресловутой Починанки – видения произошедших событий.

Уже ведая, что происходит с подругой, Коля не стал ей мешать, хотя и личико исказила гримаса не похожей на человеческую ярости, от ланит схлынула краска и побледнели канопушки. Ей не избавиться запросто от прокручиваемого слайд-шоу.

Земля истоптана слишком крупными для обыкновенных медведей следами, кои привели к трём недалёким друг от друга жирным чёрным кляксам, знакомым по всё той же речушке. Ещё недавно, возможно, с час-два назад, эти пятна были живыми дышащими людьми, а теперь всего лишь мертвее мёртвого чернь. Зараза, расправившись с беспомощной жертвой, сама умирала, не находя более биоматериал, однако от этого лучше не становилось.

Он зло сжал, до хруста в костяшках, пальцы в кулаки, стиснул до скрипа зубы, чтобы не закричать раньше времени, серо-зелёные глаза сузились до щелочек. Всем своим видом он излучал сильнейшее желание *убить* самому. Николай не отличался особой кровожадностью даже будучи подростком, вышвырнутым из дома собственными родителями, как ненужную вещь. Был на них обижен и зол, на словах смерти желал, а в душе – нет. Повзрослев, возмужав и вовсе простил. Да и дрался в крайнем случае, когда кончались всяческие аргументы. Обычно и отъявленные отморозки чувствовали в нём несгибаемый стержень и оттого пасовали просить сигаретку. Сейчас Княжинский впервые в жизни реально желал убить – и не кого-то абстрактного, а вполне конкретную личность – и сиё лишь для начала. Вначале выпотрошить душу из Чёрного Волхва с его неизбывным посохом, затем – мутантов-зверей, чьи души спасать поздно, а под оконцовку – расчленить на составные части костлявую нежить.

Не прекращая ни на удар сердца свирепо лаять, переходя иногда в рык, Дружок бегал вокруг клякс активно, то подбегал к проёму в ограждении, не решаясь проникнуть в тихий двор. Зачем-то подскакивал к Ладе, снова к пятнам, хозяину – и всё повторялось по новой. Он всеми фибрами пёсьей души ощущал витающую в воздухе смерть, за тыном – много невинной крови и тёмное существо, не показывающееся на глаза.

Николай застыл над кляксами, не в силах оторвать от них

полного боли и великой печали взора. Желание убивать, метать и рвать по-прежнему вырывалось наружу, ища выхода в деле. Молодой мужчина едва сдерживал страстный и страшный порыв, ещё сильнее, до боли, сжимая кулаки. На четвероногого друга, не находящего себе места и покоя, никакого внимания не обращал.

Как и Лада.

Она увидела то, что произошло и теперь хотелось отчаянно выть или шипеть, словно змея – а глаза наполнились слезами. Солёная горькая влага побежала к подбородку, огибая искривлённые, надкусанные удлинившимися клыками, губы. Пальчики разомкнулись и согнулись в крючки, ногти превратились в острые стальные коготки, способные оставлять в дереве глубокие борозды, а уж плоть, какая бы ни была грубая, врага и вовсе не устоит. То, что совершили с людьми твари, прощению не подлежит ни в коей мере. Мать-Природа прекрасно понимала, кого выбрать в качестве карающей длани. Будучи простой деревенской девчонкой, Рысь и не подозревала, что может быть безжалостной хищницей. Если она была готова, в буквальном смысле, отправить в Навь человека, заведомо сильнее её – браконьера, - поймавшего в капкан седого друга-кота, то в случае с нелюдью не возникнет и тени сомнения в окончательном вердикте. Весимира она за человека не принимала, его не спасут и почтенные седина и возраст.

Лада в один прыжок одолела расстояние, отделявшее её

от проёма, но вдруг обмерла и лишь сейчас обратила внимание на глухое свирепое рычание хаски и вздыбившуюся шерсть на загривке и вдоль хребта. Оказывается, он давно предупреждал о явившей себя угрозе, но его никто не слышал, каждый занятый своими эмоциями.

- А-а-а!! – девушка вскрикнула от испуга и неожиданности, ловко отпрянула назад и окрикнула предупреждающе Николая.

Со двора вальяжно, ни испытывая ни толики сомнений и страха, самоуверенно вышло кошмарное чудовище, так похожее на её мишку и, при этом, заметно отличающееся от него. Оно отошло от тына на метр, оглядело каждого изучающее по очереди и остановило взгляд клубящихся чёрным неестественным туманом глазниц на Ладе, демонстративно заревело – мол, я хозяин положения, а вы моё мясо.

Всё смолянисто-чёрное, невероятно массивное, куда крупнее бурого представителя таёжной фауны, чудовище намеренно давало себя осмотреть подробно, чтобы больше боялись.

- Вот он и первый виновник торжества! – в весёлой ярости воскликнул Коля, скалясь не хуже волка. – На живца и зверь бежит! – страха не было, по крайней мере, за себя: он был да улетучился аки дымка в рассветный час. Он сторожко направил стопы к отступающей к тайге девушке, буравя тяжёлым и, одновременно, наглым взглядом косолапого переростка, специально отвлекая на себя его внимание.

Хаски отчаянно смело заливисто лаял, то подскакивая к врагу, неспешно напирающему на Ладу, то отпрыгивал сайгаком на относительно безопасное расстояние. Впрочем, медведь равнодушно-вяло отмахивался от пса, как от назойливой, вполне себе безобидной, мухи, не видя в низкорослике серьёзного соперника, как и в мужчине, плавно приближающемся к карательнице. Ему гораздо интереснее девушка.

- Коля, пожалуйста, не надо! – просяще обратилась к нему Лада. – Я сама справлюсь!

Княжинский взвил кверху в безмерном удивлении левую бровь: она, конечно, оборотница выносливая, неутомимая, может обнажить опасные коготки и нарастить клыки и всё такое – но ещё неопытная девочка, никогда и ни с кем (браконьер не в счёт) не сталкивавшаяся с настоящим бойцом в реальном – а не приближённом! – бою. Тем более с подобным монстром. Ей охотно подчиняются дикие звери и домашняя животинка, нечисть же оной не подвластна. У неё один Хозяин – и это не она.

- Всё хорошо, милая, - хищно улыбаясь, заверил яйчанин, ожидая от псевдомедведя первой партии. Ему о-очень не понравилось, что тот его практически игнорирует, всё больше оттесняя подругу. – Я зн*а*ю интересные приёмчики, а эта тварь, может, и тяжелее меня, но тупая и неуклюжая.

Зверя бесили разговоры двуногих, смевших вести речь при нём. Он не воспринимал её как таковую, однако отчётли-

во улавливал эмоциональный фон в оной и от троицы. Самая безобидная – сявка, громко крутящаяся под лапами. Самец, разумеется, зачатки опасений вызывает, но тоже ничего особенного. А вот самка внимания точно стоит. Она карательница, дочь Матери, недаром её панически, ещё не повстречав вживую, боится хозяин. В ней кипит необузданная могута, до конца не осознанная владелицей, только-только начала высвобождаться от дремучего сна, поэтому кошку необходимо убить первой. Иначе в мести пробудится ускоренно.

Будто от дрёмы, встрепенулся Кощун, зашевелил саблеобразными когтями, медленно раскрыл выпирающие наружу, челюсти, легонько лязгнув ими друг об друга. Из пасти вылез длинный язык с ороговевшим кончиком, созданным для захвата шибко подвижной жертвы. В пустых глазницах, как суперновая, вспыхнула Тьма, упорядочившись в спиралевидном движении снизу вверх. Нежить издал щёлкающие звуки – непонятно чем, правда - перешедшие в потустороннее алкающее шипение.

Он вначале почувствовал, а затем увидел глазами раба ту самую воительницу, созданную Матерью-Природой для защиты своих детей от него и его кошмарных воплощений. Кощун внимательно разглядывал сопливую девчушку и поневоле заклацал зубами в подобии смеха от чувства, схожего с умилением. Мать сглупила – видимо, спросонья или от безысходности – выбрав для мести слабенького человечка, как говорят сами же люди, и мухи не обидевшего за всю

короткую жизнь. Да, потенциал в девчонке заложен, мягко говоря, колоссальный, но проявит тот себя во всём величии не раньше, чем через земной год, и то при условии бесконечных, соответствующих оному, тренировок. Сейчас же он настолько слаб, что его навсегда погасит даже самый ничтожный раб, навроде самонадеянного Весимира с неплохим посохом в руке. Единственное неоспоримое преимущество девки – полный иммунитет к Лихомани, а, значит, и к Кровавому Договору.

Жаль убивать такую воительницу, в ней заключён великий дух рыси, ускоренно помогающий освоить её возможности. Всё же насчёт года раскрытия Кощун сильно погорячился. В стрессовых ситуациях она превратиться в стоящего бойца через месяц. Ежели лишить всех близких: родителей, братьев-сестёр, бабушек-дедушек и так далее – она высвободит из заточения значительную часть мощи. И тогда у имеющихся в наличии рабов почти не будет шансов одолеть карательницу. Но – иммунитет к любым его претензиям на влияние. Мать, хоть и дурная старуха, однако не юродивая девица, *сию* слабость врага прекрасно знает.

Поэтому скрипя чёрным эфирным сердцем, придётся отправить девку в Кащеево царство. Уж Навья нечисть перехватит столь ценную душу прежде, чем та станет обитательницей Ирия – будь тот проклят!

Косолапый самец *почувствовал* приказ Хозяина, чёрная кровь забурлила в жилах, заставив сердце биться чаще и уда-

рив в мозг. Бешенство застило глаза, туман образовал спираль. Он дёрнулся было вперёд с явным намерением растоптать оборотницу, упёршуюся спиной в старую шершавую берёзу. Да не тут-то было: хаски с рыком вцепился в куцый хвост, поднявшись на задние лапы и упреждающе отскочил в сторону, отплёвываясь от мерзости, налипшей на нёбо, язык и зубы, содержимое желудка запросилось обратно.

Медведь взрыкнул, повернул голову коротко назад, а когда вернул обратно, ощутил оглушающий удар в правое ухо – то Коля со всей силы вонзил железный кулак. В это же время, преодолев тошноту и отвращение, звонко тявкнув, Дружок с остервенением вцепился в заднюю лапу. Зверь попробовал лягнуть наглую шавку да та так глупо подставляться не пожелала, с таким же лаем отбежала.

Улучив момент – мутант отвлёкся на пса – Николай ударил пяткой сбоку в нос, тут же отпрыгнул, злорадно сверкая глазами.

- Нравится, тварь?! – выкрикнул он зло, готовясь измотать хищника, превосходящего его в силе. – А мне нравится! – и мужчина дразнящее хохотнул.

Развернувшись к обидчику, медведь почувствовал новый укус в заднюю лапу. Он рассвирепел от подобной дерзости, с рёвом набросился на нахальную мелюзгу. Азартно лая, та побежала вдоль тына, лихо преодолевая любые препятствия, встречающиеся на пути. То же злополучное ухо пронзила острая боль – Коля метко швырнул в него найденный на зем-

ле увесистый камень с острыми гранями, окропившийся чужой кровью. Он рассёк кожу с внутренней стороны.

Из-за мощнейшего выброса в кровь адреналина в разы ускорился обмен веществ, к тому же подстрекаемой симбиотической заразой. Мутант окончательно уверился, что этого двуногого надо раздавить первоочерёдно, иначе сам, не запыхавшись, ослабит его и тогда бери тёпленьким.

Он развернулся в очередной раз и с душераздирающим рёвом бросился на глумившегося над ним обидчика, оставляя в почве глубокие отпечатки и до поры не обращая внимание на преследующее его тявканье и ловкие укусы в бёдра и хвост. Самец, естественно, пробовал на бегу отмахнуться от назойливой до бешенства сявки, но каждый раз та успевала увернуться, словно каждый день гонял по тайге хищников сильнее и крупнее его.

Не имея ни малейшего опыта сражения с дикими зверьми, Николай тем не менее хладнокровно ждал приближения оного, чётко помня: ни в коем случае не соприкасаться со смертоносной кровью. В противном случае медведю останется спокойно дождаться, когда та скрутит его в бараний рог, сделав беспомощнее младенца. На него надвигался живой танк, что смотрелся, вероятнее всего, внушительнее носорога, прущего на рожон, а Николай не испытывал резонного страха – больше боялся (честно себе в этом признался) за Ладу и верного Дружка.

Этакая махина тяжело взметнула себя вверх, дабы под-

мять под собой дерзко ухмыляющегося двуногого – и снова промахнулся, за что и поплатился новой порцией боли. Коля в последний момент красиво отпрыгнул вбок, одновременно подобрал сучковатую липовую ветку, обнаруженную загодя в общипанной скотиной до корней траве, с развороту хлестнул со свистом по левому уху, затем в обратном движении ещё раз по нему же. Мельком пожалел, что нож остался в походном ранце и тут же скоротечно опроверг сию незваную мысль: и хорошо, что остался, иначе, в пылу боя, точно бы не избежал попадания на себя чёрной крови.

Так он хлестал безжалостно по голове громогласно ревущего мутанта. Ему было нестерпимо больно, обжигающая боль разлилась по всей левой стороне башки, из образовавшихся ранок капала кровь. Вокруг него мельтешил пёс, ни на секунду не прекращающий оглушительно для него лаять, периодически цапая за многострадальные задние лапы – тот делал больно, однако предусмотрительно не прокусывал насквозь. Так отлично срабатывал инстинкт самосохранения, не дающий вкусить ядовитой плоти – достаточно было мерзостного тошнотворного вкуса в пасти.

Липовый хлыст не выдержал-таки агрессивной эксплуатации, сломался вначале на кончике, а затем и напополам – коротким обломком много уже не навоюешь. Не раздумывая попусту, глумливо захохотав, Николай побежал к деревьям, периодически поворачивая голову за плечо. Впрочем, потеряв контроль над собой, издавая свирепый рёв на всю тайгу,

хищник вприпрыжку, не скрадывая звуки шагов, помчал за двуногим, враз ставшим врагом номер один. Прямой приказ Хозяина до поры подождёт, никуда карательница не сбежит.

Чуя смертельную опасность для Николая, хаски с рыком бросался на ноги и хвост косолапого, кусая всё больнее и больнее. Здоровяк, казалось, его совсем не замечал, слишком увлёкшись погоней за вёрткой добычей.

Где-то вдали, за другой стороной тына, затухали крики распуганных домашних животных.

Зажав жертву к стволу старой берёзы, тварь уже праздновала победу. Она с рёвом подскочила на задние лапы и уронила передние на… пустое дерево. То хрустко качнулось – и устояло перед богатырским натиском, отделавшись лишь повреждённой корой, - с кроны посыпались обломившиеся сухие сучья и листва. Коля за секунду до атаки невозмутимо шагнул в сторону и зарядил с разворота пяткой в многострадальное левое ухо, затем ещё раз, отпрыгнул на относительно безопасное расстояние. Зверь снова взревел от двойной боли – зазвенело не только в ухе, но и зашиб из-за промаха в жёсткую берёзу стопу правой лапы. Не преминул воспользоваться короткой заминкой Дружок, со злобным глухим рычанием вцепившись челюстями-капканом в заднюю ляжку: ещё немножко и засочится токсичная кровь в собачьи клыки и губы. Пёс вовремя отцепился, сработал первобытный, отлично развитый – не хуже родственного волка – инстинкт самосохранения. Как обычно заливисто залаял, трясясь от

возбуждения и уже привычной мерзости во рту.

Помахав для охлаждения ушибленной лапой, облизав с прерывистым рыком болевое место, тряхнув болезненно головой, прогоняя головокружение, медведь в очередной раз тараном бросился на обидчика с остервенелым рёвом, огласившим весь лес. Собственная тупая ярость и циркулирующий в крови ментальный приказ Мертвеца: «Убей! Убей любой ценой! Даже ценой своей жизни!» - заставляли кидаться раз за разом на двуногое существо, отчего-то сказавшееся неимоверно шустрым и поворотливым. И оно смело издеваться над ним в хохоте и кривлянием! Может, это оно всё-таки ненавистный каратель? Хотя нет, Хозяин недвусмысленно указал на мелкую самочку, а он никогда не ошибается в выборе и суждениях.

Мечась из стороны в сторону, Лада обливалась нервным по*т*ом. Пот застилал глаза, попадал в уши и рот, заставляя то сглатывать судорожно его, то «неэтично» сплёвывать. Он насквозь пропитал рубашку и трико, отдавая душком, неприятно бежал по грудям, животу, спине и между ног, заставляя местами зудиться кожу. Волосы на голове также сопрели.

Она лихорадочно озиралась по сторонам в поисках хоть чего-то, могущего сгодиться в качестве более или менее эффективного оружия. Добротные дом и хозяйственные постройки за тыном очевидно указывали на то, что их владельцы – не бездельники, держат хутор в крепких руках… или держали, судя по плотному запаху смерти. Топор, лом, багор,

лопата, вилы, коса, арматура, деталь от самодвижущейся техники – что угодно сгодится для борьбы со смоляно-чёрным монстром, так похожим на её любимого косолапого друга. И не находила. Видимо, действительно хорошая семья была, коли ничего не валяется абы как, всё там, где и должно быть. Как её батя любит назидательно говорить: каждой вещи имеется своё место в хозяйстве, ежели не желаешь прослыть неряхой нерадивой в добром народе.

Ей было стыдно и страшно одновременно за себя: пока Коленька и верный ему Дружок бесстрашно бороли чудовищное лихо, она прохлаждалась, якобы в поисках надёжного оружия. «Сейчас, миленький, орудие, должно быть, где-то во дворе, я мигом!» - мысленно взмолилась девушка, устремившись к вывернутой калитке.

Уже добежав до открытого проёма, Лада застыла на месте, как вкопанная. С лица отхлынула краска, по похолодевшей спине побежали толпами мурашки: вначале услышала глухой рёв, сразу же после – болезненный вскрик и безудержный, свирепый не по росту, рыкающий лай. Она резко, чуть ли не прыжком, обернулась на леденящие кровь звуки, в голове вспыхнула нехорошая догадка…

… Коя, к великому несчастью, подтвердилась во всех безумных красках. Её Коля беспомощно распластался на земле, рядом с тремя кляксами – тем, что, похоже, осталось от хозяев терема. Его правый бок зияет безобразной раной от когтей, бегущая кровь уже подёргивалась чернотой плесе-

ни, кровь пропитала разорванную одежду, кожу вокруг раны, под ней почву. А в глазах застыли мука и отчаянье, жизнь стремительно убегала из тела. От мгновенной смерти мужчину отделял лишь бегающий с безумным рычанием около медведя храбрый пёс, своими молниеносными нападками не дающий добить хозяина. Мутант то махал на маленького, в сравнении с ним, смельчака когтистыми лапами, то клацал челюстями, то даже с рёвом бросался на него, не ведая как отделаться от зловредной моськи, не унимающейся ни на удар сердца, но и не подпускающей к себе на расстояние метра габаритного ворога. Пёс напоминал в такие моменты восставшего из христианского ада демона, воплотившегося в собачьем теле по недоразумению.

Из живота поднималась ощутимым зверем плотная волна ярости, захлёстывая сознание и все прочие эмоции, растворяя обычный девический страх без остатка. Рысь не замечала под её воздействием происходящих в организме кардинальных изменений, как поднял голову живущий в ней дух, доселе в основном дремавший. Хвойно-зелёная радужка полностью вытеснила белки с кровавыми прожилками, круглые зрачки расширились на треть глаза, как у с*а*мой северной кошки. Вместо ногтей выросли крючковатые когти, исказившееся до звериного лицо – да и всё тело – покрылось короткой грубой палево-дымчатой шерстью. Укоротились пальцы рук и ног, преобразились и зубы: отросли четыре атакующих клыка, сами зубы стали трубчатыми, конусо-

видными, острыми, едва загнутыми внутрь. Челюсть легонько удлинилась. Её грудь уменьшилась в объёме. Со звучным хрустом ломались кости, вставая в новые положения, рвались с треском ткани мышц, преобразуясь в другие группы, сердце бешенным галопом ломилось в грудную клетку, норовя либо разбиться об неё, либо пробить рваную дыру и выскочить на свободу. Колени выгнулись в обратную сторону, как у четвероногих животных. Гормоны адреналин и окситоцин, в избытке выплёскивающиеся в бурлящую кипятком кровь, затуманили мозг, отодвинули всё человеческое на задворки съёжившейся души, высвободили место первобытно-звериному, изначальному, всему тому, что господствовало в людях до возникновения самой примитивной цивилизации. Уши стали треугольными, с недоразвитыми кисточками на кончиках, они поднялись выше, ближе к темени. Нос уменьшился, сплющился, по его сторонам лишь обозначились кошачьи усы, серьёзно не дотянув до полноценных, - но обоняние при этом усилилось заметно. Также недоразвитыми остались бакенбарды и борода. Хвоста (громко сказано!) невидно под штанами, однако он отрос на полвершка с нижней оконечности изогнутого хребта. Лоб – более покатый, а под кожей едва заметно бугрились развитые мышцы.

Лада так и застряла в прямоходячей версии рыси, сохранив много человеческих, узнаваемых, черт и, ежели было б на кого, произвела бы неизгладимое впечатление от сей внешности, в коей вряд ли кто смог признать ту самую, ко-

нопатую, милую девушку из яйской деревни Николаевка. Не то человек с серьёзными генетическими аномалиями, не то мурлыкающая дикая хищница, удумавшая подняться на задние лапы в подражании человеку. И сейчас её очаровательной кисой разве что слепой назовёт.

То, на что сама Природа отводила минут тридцать, ушло в режиме реального времени едва парочку. Можно хотя бы издалека представить, какие мучения должна была испытать при гиперскоростном перевоплощении – но боль сердечная оказалась куда сильнее.

Полукошка нахмурила брови, вытянула из подушечек пальцев когти, а из глотки вырвалось столь яростное верещание – далёкое по звучанию как от, собственно, кошачьего, так и людского, - что даже мутант позабыл про раненого и пса, прижал от неожиданности уши, повернулся к источнику. Пригнув в непроизвольном испуге, переплюнувшем силу ментального приказа Хозяина, голову, он попятился к лесу задом. Медведь невольно издавал какие-то невнятные звуки – а ну как услышит карательница?! Невероятно хочется жить.

Пока не потерявший сознание Коля только и мог, шокированный до самых пяток мятущейся души, открыть рот, наполненный чернеющей жирной кровью. Плесень пожирала нутро медленно, словно смакуя кусок мяса, поскольку не было команды убивать быстро. Пёс трясся от разноречивых чувств рядом, глухо и недовольно скулил, ощерив

пасть и вздыбив на загривке и позвоночнике белую с чёрным шерсть. Он прижимался к земле, готовый отразить нападение с любой стороны, какой бы ни пришла, не взирая на червячок страха. Хозяйская подруга изменила не только внешность, но и специфику запаха, коя у каждого млекопитающего (как минимум) индивидуальна и неповторима, как отпечаток пальца у двуногих (настоящих людей).

Рысий дух почти возобладал над разумом и телом хозяюшки, он же поддерживал боевое состояние. Первый бой оборотницы, могущий стать и последним в короткой жизни.

Лада бросилась к противнику пущенным снарядом, шипя уже типично по-кошачьи. Глаза сверлили чудовище, ей не терпелось опробовать на нём природное оружие и ловкость.

Вновь встрепенулся у древнего могильника Чёрный Мертвец, не веря своим… условно, глазам. Стоило ослабить контроль, как раб чуть не сбежал с поля боя. Заклацали друг об друга ряды клыков, кончики когтей прижались к кистям – должно быть, свирепел от бессилия: опять приходится расходовать те жалкие крохи сил, что ещё при нём, вместо того, чтобы беречь и, в некотором роде, по крупицам приумножать. Он хоть и порождение Кащея, но солнечную и ветровую энергии – в том числе и сквозь плотный облачны й покров – преобразовывать и генерировать умел, пусть и не так быстро, как хотелось бы. Верховный Кощун буквально впечатал в заражённую кровь раба протокол неограниченного подчинения ег*о* воле, истребив страх как таковой. Он – Вла-

дыка, второй после царя Нави, и рабы обязаны делать то, что угодно Владыке, в том числе умирать за него! Даже если Владыка ошибся – он не может ошибаться, ведь Владыка – не смертное мягкотелое хрупкое существо!

Убить карательницу! Растерзать! Разорвать клыками и когтями!

На сей раз приказ в крови не требовал иного толкования и, тем паче, позорного бегства. Умри сам, но выполни его, иначе жестокость и несдержанность мелкого хозяйчика покажутся ему безобидными шалостями.

Пожалуй, Весимир подозревал, что исполнитель может погибнуть от рук преследователей, однако чего не мог ни в коей мере предположить, так это банально дать дёру без его присмотра! И если бы не вездесущий Кощун, то так и случилось бы.

Слава Кощуну, самец перестал отступать во вроде бы спасительную тайгу и с могучим рёвом набросился на оборотницу со всей прытью, на которую способен: как и в предшествовавшем случае – промахнулся, разве что лапу не зашиб. Только нонче Лада в боевой стати, в разы превосходящей раненого супротивника.

Она шагнула влево и вперёд, с душераздирающим криком махнула по очереди… хм-м… лапами? Когти, по прочности подобные оружейной стали, оставили восемь чётких борозд на коже, мышцах и рёбрах, пустив первую большую кровь. Не ожидал мутант такой силы в маленькой карательнице, за-

ревел яростно, аки подраненный носорог, развернулся стремительно, взмахнув своими, несопоставимо длиннее, когтищами – да опять напрасно! Лада-то впервой участвует в самделишном сражении, а рысь, воплощённый в зверином духе, свершал сиё при жизни многожды и до роковой браконьерской ловушки всегда выходил из них победителем.

Лада в стремительной атаке разорвала ворогу губы и кожу до кости челюстей, перепрыгнув взмах медвежьей лапы. Не дав опомниться обезумевшему мутанту, она скользнула бесшумно под мордой, чиркнув ощутимо по подбородку. Слишком много кровоточащих глубоких ран меньше, чем за минуту. Медведь завертелся, закачался, разбрасывая повсюду смоляно-чёрные капли.

И снова бросился в бой – на этот раз едва не свалившись оземь от распоротой вновь до костей грудной клетки. Он терял драгоценные мгновения на попытки локализовать разрастающиеся очаги невыразимой боли и хоть как-то остановить кровь.

Не взирая на затмившие рассудок боль и ярость, всё же где-то на задворках сознания понимал, что если будет без конца замедляться и поддаваться оным – боли и ярости, - то шансы сохранить свою драгоценную, хоть и изрядно попорченную, жизнь, а, тем паче, отомстить слишком проворной карательнице, помножатся на ноль. Они и так, очевидно, невелики. Потому, преодолевая слабость, беспрерывно подстрекаемый Хозяином, взрёвывая каждый раз, он опять

и опять бросался на, в буквальном смысле, озверевшую противницу.

А зверица злобно шипела и торопилась покончить с пр*о*клятым косолапым. На самом деле лишь одно чувство давлело над всеми прочими – панический страх за мрачную судьбу ставшего л*ю*бым Коленьки. Она бросала на него искоса взгляды и ненависть к врагам от увиденного только разрасталась: он умирал, превращаясь постепенно в зловонную тушу – но продолжал упорно цепляться за жизнь. Ему помогал в этом тяжелейшем деле преданный Дружок, жалобно и тоскливо поскуливающий и активно облизывая влажным языком лицо хозяина, виляя хвостом.

Сиё обстоятельство не могло не торопить оборотницу, медлить больше нельзя. Одновременно ярость и страх за Николая подстегнули Ладу не хуже, чем разжиревшую кобылу опускающийся на её круп жалящий кнут. В очередной раз зашипев до сердечного трепета, Рысь вцепилась крепко передними когтями в медвежьи щёки, раздирая до кости шкуру и мясо, пустив новую кровь, оттолкнулась легонько задними лапами от окроплённой земли и *и*х когтями зацепилась за толстую шею. Медведь отчаянно взревел от подобной безрассудной дерзости, запаниковал, замотал башкой в разные стороны, пробуя оторвать от себя фурию с бешено поблёскивающими глазищами, оскалившей морду.

Паника разрасталась вширь и вглубь, укоренялась безраздельно в тёмной душе, мешала здраво рассуждать и прини-

мать соответствующие меры. Туман в глазах закружился беспорядочными вихрями, вылез за пределы глазниц. А когда мутант попытался вцепиться клыками в её грудь, она откусила ему нос, плюнула им ему же в лоб. Он задёргался, отчаянно заревел, устроил скачки. От греха подальше Лада спрыгнула с него, выдрав приличные куски мяса с изуродованных морды и шеи, сплюнула изо рта мерзопакостный комок густой крови, отряхнулась от неё на манер кошки. И снова набросилась на беснующуюся от пронзительной, всепоглощающей боли.

В этот момент Чёрный Мертвец потерял всякий интерес к рабу о четырёх лапах, застыл гротескным изваянием подле округлых стен «колодца», немного согнув колени и прижав саблевидные когти к кистям. Ему уже не поможешь ничем, раб проиграл битву, проигнорировав в начале её прямой приказ убить девчонку в первую очередь, не распыляясь на других супротивников. Он подвёл её любимого к черте, отделяющей от Нави, чем всколыхнул звериную суть неопытной воительницы, что привело к имеющемуся результату. Потеряв близкого, вкусив первой вражеской крови, карательница станет куда как осторожнее и внимательнее, великолепно замотивированная. Ведь человеческого в ней ещё очень много. Прочим сии факты жизненно необходимо учесть отныне.

Даже самому себе Кощун не желал признаться в том, что он шибко недооценил «сонную» Мать и её стремительно развивающееся дитё: ошиблась не Природа в объекте таин-

ственного ритуала. Впрочем, нежить редко совершал одну и ту же ошибку дважды.

Голова мутанта превратилась в изодранное, залитое собственной кровью, чучело, скорее подходящее для опытного изучения студентами, выбравших стезю ветеринаров али зоологов. С башки содрано до голых костей больше половины плоти, левое глазное яблоко выдрано с корнем и растоптано его же владельцем, отчего в данной глазнице растворился бесследно мертвенный туман. Несколько клыков вырваны, что сделало его ещё более кошмарным внешне. Лапы заплетались, норовя опрокинуть хозяина. Местами топорщились обнажённые рёбра, освобождённые от мяса – жалкое гнусное зрелище из себя сейчас представляет самец. Он потерял пространственную ориентацию, слепо тыкался в предметы, слабо вякал – и всё это на автопилоте. И при том продолжал *жить*! Симбионты бросили на восстановление гигантских потерь все резервы, лишь бы спасти хозяина от неминуемой гибели, а, значит, и себя.

Лада подобрала два внушительных размеров чёрных клыка, не таясь – смысл, если не реагирует более на внешние раздражители – подобралась к медведю и двумя выверенными, с интервалом полудара сердца, молниеносными ударами вонзила импровизированное оружие остриями в правый глаз и сердце, вложив немало сил во второй. Всё ж кошачьи пальцы слабо приспособлены удерживать что-либо в себе, а тем более и наносить действенные удары. Девушка-рысь хотела

надеяться, что открытое повреждение двух жизненно важных органов успокоит навеки неубиваемое чудовище. Она вспомнила, как часто слушала с любопытством и интересом мишкино сердцебиение – как правило, оно более умеренное, спокойное, нежели у людей. Поэтому ни тени сомнения не возникло, попала ли точнёхонько в сей орган.

Вякнув напоследок, этакий медвежий гулливер, наконец-то, остановился, замер на пару мгновений – тело ещё не могло поверить в свою смерть – и с гулом опрокинулось на правый бок, упокоившись навечно.

Не ведая зачем, для чего, в той же полурысьей личине вбежала во двор, вместо того, чтобы мчаться к умирающему Коле – закрывшему устало глаза. Шлейфы настолько густо переплетались между собой, что образовали своеобразный лабиринт, похожий отдалённо на оный из увлекательных газет и журналов. Она рыскала в поисках других врагов. Но повсюду кровь и чёрные пятна: в выгонах, хлевах и даже в тереме. Везде, где побывала нечисть, жизнь исчезала.

Из больших глаз потекли горючие слёзы, прокладывая мокрые дорожки в грубой жёсткой шерсти. Медведи на славу попировали в скотьих зимниках, не встречая нигде препятствий и сопротивления – кроме одного места. Здесь постарались два матёрых вороных быка-производителя: один из стойла лягнул до хруста в грудной клетке задними копытами, повредив сильно калитку, второй сумел вырваться на свободу и завалить косолапого на доски пола, пронзив длин-

нющими рогами бочину. Чем и подписал заочно себе приговор. Бык, естественно. Его и второго задрала почуявшая неладное, оттого вовремя подоспевшая, самка. Бой был скоротечным, но очень эффектным и эффективным.

Из животины хоть кто-то спасся. В отличие от людей. Никто из обитателей хутора не уцелел – даже трое детей. Пр*о*клятый Волхв их не пожалел, не да им ни единого шанса – старш*а*я была бессмысленно храброй, потому погибла первой. «Наблюдая» бессильно за картинами жестокого насилия, рысь скрипела плотно сжатыми зубами – это всё, что ей сейчас оставалось. Ладно бы взрослых уничтожили, те хоть с ружьями были! За что же беззащитных ребятишек, коим ещё жить и познавать жизнь долгие лет*а*?!

На кухне Весимир устроил безраздельное чревоугодие: все блюда напробовал, практически ничего недоел. Остальное, вместе со столом, пожрала треклятая плесень, - как и людей и скот до того.

Плесень!!!

Лада опрометью бросилась из дома, обнажив из подушечек пальцев когти, на практике показавшие свою невероятную действенность. Она за считанные секунды пересекла внутренний двор, подбежала к, казалось, бездыханному телу Николая. И уже подле него вернулась в человечье обличье с теми же хрустом и сухим треском, затем упала на колени, не сдерживая слёз.

Пёс подскочил, дабы не быть раздавленным, обошёл хо-

зяина и с грустными глазами плюхнулся на живот с другой стороны, представляя из себя жалкое зрелище.

Подогнув под себя грязные голени, не обращая внимания на неудобство положения, бережно положила голову л*ю*бого себе на ноги. Ладони с нежностью легли на щёки, пальчики коснулись колючих от щетины подбородка и горла, с горечью ощутив не свойственный здоровому или мёртвому человеку жар. Он ещё живой! Из груди вырвался хриплый стон тоски и едва теплящейся надежды, солёная влага капала ему на лоб. Девушка хотела громко зарыдать, зареветь или завыть в голос, а текли лишь слёзы и чуть-чуть слюни. Его организм настолько крепкий, что не только не отдал богам душу вскоре после чудовищного ранения, но и до сих пор сопротивляется, думается, неизлечимой заразе, коя хуже сибирской язвы, бубонной чумы и ковида вместе взятых! Вот что значит вести совершенно здоровый образ жизни и быть стрессоустойчивым! Впрочем, чтобы учить современных деток, просто необход*и*мы титановые нервы!

«Миленький мой! Родненький! Молю всех богов – живи, борись с дрянью! Победи её! Рож*у* нам много-много славных детей!» - заклинала мысленно Лада, обращаясь и к Коленьке, и к высшим силам.

В своём горе Лада не замечала, как по её плотной ауре потекли ручейки и ручьи в сторону ладоней, а из них тонкими струями вливались в приоткрытый рот мужчины, медленно растекаясь по чёрным жилам, ослабляя клетки симбионтов,

делая их вялыми.

Кощун резко выпрямился, растопырил когти, заклацал клыками. В холодной ярости он надавил на Лихомань, что «съёжилась» в венах и артериях раненого врага, придал ей больше сил к сопротивлению светлым энергиям. Немыслимо! Карательница, не ведая того, исполняет невозможные чудеса для малоопытной дурочки! И ведь Мать в данный момент не помогает орудию возмездия!

Коля поднял тяжёлые веки, успешно сфокусировал замутнённое деятельностью плесени зрение. Но, вместо радости в пока ещё неизменённых глазах, застыла печаль, - ведь Ладушка вынуждает наблюдать его угасание. Он чувствовал исходящие от неё потоки (ему мнились именно потоки, так ничего подобного не испытывал в жизни – даже от бесконечно любящей тёти Гали) живительного мягкого тепла, облегчающие физические – да и психические – страдания прожорливой дряни в себе. Этой самой дряни сии потоки совсем не нравились, они причиняли ей *боль*.

Боже, Ладуля плачет и не замечает ничего вокруг, погружённая в его страдания, проживая их лично. Он раскрыл было рассохшиеся губы, дабы утешить такую маленькую хрупкую девочку, как-то приободрить, но именно в этот момент почувствовал, как внутри него с новыми силами зашевелилась плесень, продолжая захват тела вопреки исцеляющей энергии. Похоже, нежить «приободрил» своих симбионтов.

Собрав остатки сил и воли в кулак, испытывая мучитель-

ную жажду, Николай тихо, хрипло заговорил. Лада встрепенулась, обрадовалась было пробуждению Коленьки, и тут же потухла вновь, услышав роковые слова:

- Я уже труп… Оставь меня… Иди по следу мутантов…

Встрепенулся и задремавший тревожно Дружок, пружиной подскочил, с величайшей надеждой уставился на хозяина. Но лаять не стал, побоявшись вспугнуть удачу.

- Я не могу оставить тебя! – с дрожащим голосом выдохнула Лада, не веря и не внемля ни единому слову.

Коля скривился – ему было тяжело говорить, а эта несносная девчонка упрямится!

- Продолжай начатый путь… Не вини себя… Я с удовольствием пошёл за тобой… Добровольно… - в серо-зелёных глазах появились первые чёрные прожилки, жирно поблёскивающие на солнце.

- Миленький, пожалуйста, не гони меня, - она шмыгнула носиком. – Я хочу быть с тобой…

- Слушай внимательно… - Николай вынужденно, раздражённо повысил голос, хотя далось ему сиё ой как нелегко. – Не перебивай. Эта зараза смертоносна и живуча… Не остановишь мутантов, расползётся со временем по всему миру… Страшная пандемия не пощадит никого… Даже твоих родителей…

Лада вздрогнула от осознания ситуации. К несчастью, Коленька прав и даже сейчас думает о других – Лихомань будет пострашнее всех прочих пандемий, которые когда-либо об-

рушивались на человечество за всю историю его существования, потому что иммунитет к оной не вырабатывается. Она прислушалась внимательнее.

- Мать неспроста выбрала тебя… Не подведи её…

Её глаза наполнились горючими упрямыми слезами, губы затряслись от глухой неизбывной тоски – он удушливо закашлялся, выплёвывая ошмётки крови, забрызгивая свои лицо и шею и Ладины руки, продолжающие держаться за его щёки, обрётшие землисто-серый цвет от острого недостатка кислорода – эта погань выедала оный вместе с внутренностями. Когда закрылись почерневшие очи, остановилось дыхание и прекратилось биться сердце *лю*бого, Лада не закричала в отчаяньи, не опустила руки и голову, не сдалась на милость жестокой судьбинушки. Наоборот. Рысий дух и душа сплелись в один тугой узел, наполнив её решимостью и пламенем мщения.

Девушка с аккуратностью и нежностью положила голову друга на землю, медленно, тяжело поднялась, растопырила пальцы со смертоносными когтями, развернулась в ту сторону, куда сбежали мутанты и зашипела, оскалив длинные клыки. Ни в шипении, ни в ней не было ничего человеческого. Лада – та Лада, которую все знали в Николаевке – умерла, на охоту вышел дикий кровожадный зверь, имеющий несколько больше шансов одолеть проклятущих воров. Единственное желание-мысль горело в мозгу, побуждающее к действиям – догнать и уничтожить любой ценой, не

жалея живота своего. Нет жалости ни к себе, ни к чужим.

Отряхнувшись от вонючей мерзости по-кошачьи, Рысь быстрым шагом двинула к озеру, в обход тына, откуда тянулись тёмные шлейфы. Она услышала, как завыл позади тоскливо Дружок, но позволила предательски дрогнуть сердцу, покрывшемуся коркой льда, и обернуться на звук. Хаски не покидал тела хозяина и ей это токмо на руку. Не его то война.

Однако где-то глубоко в подкорке сознания тлел почти незамечаемый Ладой уголёк безумной надежды, не совместимый с действительностью, что Коля жив, что он одолеет сию дрянь, ведь он так долго сопротивлялся оной. Другие, по её виденьям, сгорели за считанные минуты. Она не умела врать ни людям, ни себе, оттого честно призналась – полюбила Коленьку, как есть, всего целиком.

Занятая лишь маячившей впереди целью, Лада не узрела того, что н*а*чало происходить за её спиной.

Два белых волчонка молча, бесшумно подобрались к той самой берёзе, об которую недавно чуть не сломал лапу почивший чёрный медведь, коего доедала собственная плесень. Они также молча сели по обе стороны белокорого символа России, уставившись в одну и ту же точку.

Не обращая внимания на матёрых хищников, пёс оборвал вой, стремглав подскочил, недоуменно вперив взгляд в любимого хозяина. Да и было чему удивляться. Николай, пусть слабо, но задышал! Хаски на периферии слуха расслышал столь же слабо возобновившиеся пульс и сердцебиение, как

будто побывал в Нави и сумел оттуда сбежать! На самом деле в его крови циркулировала, не прекращая ни на мгновение, сила, непроизвольно влитая девушкой, одновременно стимулирующая и обогащающая истощённые практически до донышка иммунные резервы организма. Лихомань продавливала чужеродную для неё ту силу, прогибала и постепенно вытесняла из оккупированной территории. Импульс, приданный Чёрным Мертвецом, тоже не пропал втуне, значительно усилил сопротивляемость.

Дружок вздрогнул от неожиданности, когда на краешке зрения появилась высокая фигура, не замеченная ранее, словно та – призрачна. Он прыжком развернулся к ней в раздражённом желании прогнать нахала, кем бы ни был… И по-щенячьи завилял хвостом, в глазах засветилась странная надежда, будто бы признал незнакомца.

Старик целенаправленно шёл к телу с едва теплящейся в нём жизнью отнюдь не по-стариковски. Живые глаза излучали доброту и понимание, не по годам крепкое телосложение. Одет в длиннополую старинную льняную рубаху, обтянутую кушаком, на ногах белые штаны, а стопы босы, не боялись напороться на острые сучья или камни, иголки и тому подобное. В правой руке простенький на вид посох, больше напоминающий опорную трость из необработанной палки с навершием для сносного удобства ладони. Старец опустился на корточки перед полутрупом, положил рядом с собой, чуть позади, неказистый посох.

Волхва Дружок раньше не видывал, не встречал, но всецело доверился его манипуляциям. Тот отродясь не враг и может облегчить участь хозяина. Он с любопытством и нетерпением бросал взгляды то на алтайского Хранителя, то на чернеющее тело.

Любомир внимательно, цепко осмотрел страшную рану в боку, затянутую заразным симбионтом, словно проникая в его суть известным одному ему способом. Затем без малейшей боязни и, тем более, страха провёл шершавыми ладонями по нему – после них плесень скукоживалась, рассыхалась, превращаясь в опадающие на землю тёмно-серые мёртвые хлопья, уже никому не в состоянии причинить вред.

Бок не вздрагивал от прикосновений – Коля потерял чувствительность к боли, равно как и ощущение реальности, поскольку паразит глубоко проник в серое вещество и завладел им.

Волхв поднёс ладони к глазам – мелкие частицы, налипшие на них, рассыпались микропылью, столь же безжизненной и безопасной, как пару мгновений назад хлопья.

Кощун словно ослеп. Он так и не понял, что произошло: вот выла мерзкая собака и вдруг связь с детищем без видимых причин и оснований оборвалась. Не может обычный вой – как и любые другие звуки – что-либо сотворить с Лихоманью. Уничтожить, как говорилось ранее, её могут только три вещи, ныне существующие на Земле: разумеется, создатель, то бишь нежить, вода, особенно проточная, и открытое пла-

мя. Каратель обладает природной неуязвимостью, но не способностью иначе обезвредить. Рабы не считаются, плесень в них временный союзник, подконтрольный Кощуну.

После потери он не пробовал восстановить связь – симбионты, выжигающие придаток девицы, подали отчётливый сигнал о своей пугающей гибели – и это без сомнения. И от этого Кощун взбесился: так не бывает, чтобы Лихомань, ни с того, ни с сего, сдохла. Даже пожрав жертву или постоянного носителя, оставшись без пищи, Лихомани требуется определённое время, дабы превратиться в безобидное чёрное пятно на земле. Да и *проточная* вода не сразу нейтрализует! Если внезапный шквал пламени обрушился али кто-то низвергнул, то также понял бы сиё сразу… Неужто Мать? Неужто опять её недооценил?

Выглядело так, будто с внутренней стороны полы рубашки пришиты потайные кармашки – Любомир непринуждённо вынул оттуда два маленьких пузырька из толстого стекла, с заткнутыми пробками низкими горлышками. Только в одном – узкое горлышко, в другом – широкое. С узким поставил на донышко около посоха, вынул пробку из широкого, опрокинул сосуд над раной. Из него с неохотой потянулась вниз сильно пахучая тягучая мутно-белёсая субстанция с масляным блеском. Попав на плесень, она проявила агрессивную активность. Чёрная зараза зашипела, словно от раскалённого предмета и стала стремительно и бурно меняться на глазах, превращаясь в нечто, похожее на пепел, обли-

тый бензином. Лишь запах не соответствовал видимому – едкий, вонючий, забивая дыхательные пути, заставляя слезиться глаза.

Хаски громко чихнул, сморщил злобно морду, ворчливо отошёл на безопасное расстояние, уже несколько раз чихнул, недовольно тявкнул.

Когда вся мазь вывалилась на рану, та успела поверхностно очиститься от ядовитой дряни, её безобразные края покраснели. Но мазь, разумеется, на достигнутом не остановилась – её мизерно мало да высокопродуктивна. Она просочилась в повреждённые, с запекающейся чёрной кровью, жилы и капилляры, уверенно стала распространяться по кровотокам, чудодейственно очищая тем весь многострадальный организм, выводя заразу п*о*том через кожные покровы, через мочеполовую систему, кишечник, слюну, мокр*о*ту – в общем, используя все каналы, грубо говоря, сбыта.

Не обращая внимания на болезненную реакцию пса, Белый Старец, нисколько не стесняясь своих манипуляций, спустил с заражённого ниже колен штаны и исподнее, задрал порванную рубашку на грудь – вовремя. Подопытный, не приходя в себя, по чёрному описался и испражнился, из пор кожи выделялся очень вонючий пот, из уголков рта и ноздрей потекли ядовитые выделения – и всё это нелицеприятное безобразие слегка парило тёмно-серым.

Покуда из измученного тела отшлаковывалась мёртвая мерзость и продукты её жизнедеятельности, Любомир по-

прежнему молчаливо взял второй пузырёк, с чпоком извлёк пробку и сию секунду, без остатка, вылил в горло Коли жидкость без цвета и запаха: она походила на воду, но любая вода всегда источает какой-то запах, в том числе дистиллированная и бутилированная. А сия жидкость – ничего.

Закупорив обратно пробки, спрятал под полу крыночки. Однако вставать Старший Хранитель не намеревался, поскольку лечение на сём не закончилось. Он положил одну горячую ладонь на грудь, напротив сердца, другую – на лоб и громко зашептал заклинания на древнейшем славянском языке, на том самом, на котором говорили наши предки, когда ещё не написаны были «Велесова» и «Ярилина книги», а Русь не знала Рюрика.

Заклинания сии вплетались в кристаллическую структуру огненной мази и мёртвой воды, усиливая их благодатное действо в разы. Клетки тканей молодого организма пошли на поправку, восстанавливались и сразу же включались в борьбу с инородными захватчиками. Заработали обмен веществ и иммунитет – первая поглощала продолжающих отчаянно сопротивляться симбионтов нежити, другая уничтожала.

Дружок внимательнейшим образом следил за изменениями, случившимися с хозяином, уже не замечая свербящих носа и горла – последствия токсичных испарений. Белые волчата так и не покинули своего поста с двух сторон старой берёзы, также внимательно, с интересом, почти не мигая, следя за процессом, сравнимым с магическим камланием.

Процесс сей с каждым ударом сердца ускорялся, ширился, не давая и намёка на шанс уцелеть. Как ни безумно прозвучит, но некоторые паразитические симбиотические клетки ворога «решили», что лучше «договориться» с оборонительной системой и присоединиться к ней в качестве дополнительных защитных и атакующих сил, став частью генома. Тем самым, преобразовавшись в нечто новое, доселе невиданное, оные весомо усилили иммунитет. Всех прочих безжалостно «вынесли» за пределы, так сказать, «крепости».

Хотя запахи витали над Николаем, мягко говоря, прегадостные, но они уж были естественными, природными, каковыми бывают застаревшие фекалии и пот от давно не мывшегося человека и привычного оттенка, без капли черноты. Вернулись живые, приятные глазу, краски кожи, белков, радужки, слизистых. Пёс сторожко подполз к хозяину, опасливо лизнул его лицо – он не чувствовал более в нём опасной дряни, однако слабо ощущал произошедшие с ним изменения, не опознаваемые ни как «опасно», ни как «безопасно», что немало нервировало и несколько раздражало.

Убрав остывшие до нормальной человеческой температуры ладони со лба и груди, алтайский Хранитель ласково погладил между ушей верного зверя – тот, удивительно, не попытался укусить чужака за дерзость, - подхватил свой атрибут чудодейственной власти, по-молодецки поднялся на ноги, как и не было многих десятков прожитых лет. Он одарил волчат одобрительным взглядом, развернулся на месте и на-

правился туда, откуда как-то уж слишком своевременно вышел, будто знал о произошедших событиях наперёд. А ежели бы его здесь узрел Весимир, то всенепременно задался бы разными вопросами: к примеру, какого х… рожна он не в Алтайском крае, а в Кузбассе? Ведь в регионе ничего глобального не было и нет с тех пор, как томича с с позором осудили и заклеймили Чёрным Волхвом!

Впрочем, некому задаться и прочими закономерными вопросами. Белый Волхв, что, не чувствует бывшего коллегу? Не видит тёмный шлейф? Или его видят лишь дети Природы? Хотя, кто знает, что у Хранителей в посеребрённых сединами головах, кроме самих Хранителей?!

Проводив взглядами Старшего Волхва, волки поднялись с земли, подошли к приходящему в себя человеку, как в случае с берёзой, снова сели по обе стороны его ног, глядя куда-то в необозримые дали, сквозь густые заросли хвойного леса. Вблизи питать живительной энергией друга их спасительницы проще, ненужно терять её на расстояние. Они не замечали ни специфических запахов, источником которых был Коля поневоле, ни его пса. Хаски смертельных хищников замечал, но не реагировал на них никак, поскольку те окружены ореолами доброжелательности, спокойствия и умиротворения, кои не вяжутся с дикими вольными волками – ни серыми, ни белыми. Дружок возбуждённо, с трудом сдерживая щенячью радость, и внимательнейшим образом вглядывался в лицо хозяина. Слава собачьим богам, он жив

и умирать более не собирался.

Глава 2. Медвежий забег

Бурый медведь озлобленно кривил губы, чуть приоткрывая в такие моменты великолепные зубы, после каждой яркой – или не особо – вспышки в голове. То были прямые отражения сильных чувств и эмоций единственного важного для него человека. С недавних пор – когда начала пробуждаться Мать и провела непостижимый даже для пытливого людского ума ритуал – он стал чувствовать острее намного то, что чувствует Лада и на значительном удалении. Мало того – Михайло видел образы, возникающие в чудной головушке двуногой подруги, пусть и не столь же чётко, но достаточно, дабы улавливать смысл в общих чертах.

Всё, что Ладуля узрела на берегу Почитанки и запечатлела в мозгу, невероятным образом яркими вспышками отобразилось в мозгу таёжного повелителя. Осмыслил он и безобразия, сотворённые недругами на хуторской территории и за пределами оной – зверь отчётливо помнит сиё жильё, проходил мимо не единожды по своим важным делам. Желание задрать глупую овцу али несмышлёного бестолкового телёнка на общем выпасе, естественно, посещало, однако далее не заходило ввиду природной осторожности, ведь рядом мог находиться незамеченным человек с громкой смертоносной палкой, убийственной на дистанции! Как правило, хищник старается избегать людей, не трогает их дражайшие шкурки,

если только не пробовал человеческое мясо на вкус и к тому не вынуждают те или иные обстоятельства. Этому медведю совершенно чуждо первое по одной прозаичной причине и не возникали вторые. Из-за чистой абсолютной любви к Ладе, тем не менее, он не воспылал тем же к прочим представителям её рода.

Хищники редко плачут, пуская самые настоящие слёзы. И всё же медведя обуяла вселенская печаль, увлажнившая, в результате, глаза и шерсть на щеках, когда девушка потеряла себя со смертью ставшим таким родным молодого человека.

Мишка бежал на помощь к ней, не чуя лап под собой, не жалея себя нисколечко. Да и как жалеть, когда Ладе плохо и грозит настоящая опасность! Он пёр напролом, сродни бронемашине, через непролазные дебри тайги, боясь токмо одного – опоздать, не успеть на выручку, так как не было и нет ближе во всём лесном приволье существа, кое не хотел терять ни в коем случае. Иначе потеряется разом весь смысл бытия, не мила будет бренная жизнь.

Медведь бежал так и столько, как и сколько не бегал никогда ни он сам, ни его современные сородичи, ни далёкие предки, порой напрочь забывая про еду и воду, отдых и сон. Зверь слишком привык к ласковым нежным рукам, заливистому звонкому смеху, тёплым интонациям в речи, добродушию и бескорыстной заботе, озорным беззаботным играм и проказам, повергшим бы любого случайного прохожего наблюдателя в культурный шок, ступор и неверие собственным

глазам. Да и как не изумиться, мягко говоря, если хрупкая на вид девушка смело хватается тонкими пальчиками за клыки, открывает кошмарную пасть, наблюдая за шевелящимся языком-лопатой, тянет за уши или усы, целует в нос и… катается верхом, как на осёдланном коне. Просто мало кто знает, что медведи бывают преданнее собак, ежели грамотно подобрать ключик к их душе. Ладушка находила оный легко и непринуждённо, не особенно-то и стараясь: сближение осуществлялось само собой, интуитивно, неосознанно.

Иногда хищник останавливался, чтобы набраться сил, отдышаться, испить водицы (а то и искупаться, ежели позволял объём водоёма, дабы остудить разгорячённое тело), пожевать ягоды, грибы (исключительно вешенки из удобоваримых в сиё время года), питательные корешки и стебли. На лов рыбы и сухопутной живности времени катастрофически не хватало, как бы ни хотелось попитаться высокоэнергетической пищей. Лада безоговорочно, после прямого вмешательства Матери, перестала быть слабым безобидным человечком, коего любой сильный норовил задеть, обидеть, унизить, - но помощь косолапого танка точно не излишня, очень даже наоборот.

В очередном длительно-изнуряющем забеге, хищник, по обыкновению, как молодые люди выразились бы, забил на свои банальные потребности. Желудок требовательно урчал, как говорится, кишка кишке «писала приговор», от сухости во рту язык чуть ли не прилипал к нёбу, сиплое тяжёлое ды-

хание предупреждало об опасной изможённости.

Но не позабыла о родном сыне мудрая заботливая Мать-Природа. И вздумала помочь ему весьма оригинальным способом: на звериной, не знающей ноги человека, тропе, за ближайшим её изгибом, чуть не наткнулся на рыжую плутовку, преспокойно восседающую, перегородившую оную собою. В пасти она удерживала несколько великоватую для своих габаритов добычу, истекающую кровью – как только сумела удушить? Крупный матёрый русак запросто, будучи загнанным в угол, мог прижаться спиной к земле и распороть охотнице острющими когтями брюхо.

Лиса бросила добычу на землю, встала, развернулась к Топтыгину хвостом и, не оглядываясь, никуда особо не спеша, побрела по своим «неотложным» делам. Медведь именно *эту* рыжую бестию хорошо знал, оттого даже мимолётного желания не возникло как-то обидеть её, тем паче загрызть: заяц, конечно, хорош, но его определённо мало для утоления жуткого голода.

Однако он не спешил наброситься на манящую жертву. Мишка схватил её в зубы и свернул с тропы влево, туда, где на периферии слуха журчал ручей. И действительно – через пять минут выбрел к широкому спокойному водоёмчику. Бросил возле него мясо, жадно приник к холодной воде. Раз уж негаданно сформировался перекус, то со всеми удобствами. Утолив жажду, принялся за зайца.

Через час, посвежевший и отдохнувший, косолапый торо-

пился дальше, ни на секунду не забывая о двуногой подруге. Если не отдыхать и не уделять время желудку, то не будет сил настигнуть Ладу с шансом увидеть её живой, потому без перерывов на краткий сон и торопливый приём пищи не обойтись. Даже мутантам оные нужны.

Лучше всего питаться на ходу, хватая пастью и перемалывая цветочки, ягодки (в том числе незрелые), грибочки, нежные корешочки. Один раз даже попалась на пути свежепокинутая стоянка двуногих любителей пикника на чистом воздухе, незамутнённом сельскими и городскими выбросами, сопровождающих «венец эволюции» в их повседневности. Ещё ощущался – правда издалека – дурман дизельных выхлопов, на краю лужка примята автомобильными колёсами дорога. Угольки кострища реяли затухающим дымком вперемешку с паром – водой, похоже, тушили, да недотушили. На угли сброшена вся свалка неизбежного мусора, остающегося почти после любого людского отдыха на природе: пустые консервные банки, полиэтиленовые одноразовые пакеты, тряпицы и прочие прелести.

Но, разумеется, медведь заглянул на «огонёк» не для того, чтобы очистить место от искусственного сора. По нерадивости, в спешке или по другим причинам, люди оставили не только ядовитую для окружающей среды синтетику. В нещадно вытоптанной траве, словно стадо мамонтов прошло, тут и там находил по запаху то запечённую картошку, то неполную, надломанную руками «по-дикарски», булку пше-

ничного хлеба, то просыпанный сахар. Самыми удивительными находками оказались полтушки разделанного варёного кролика и закопчённый от сажи чугунок с аппетитно пахнущим варевом, загустевшим от жира, под молоденькой осиной! Ничем не брезговал Михайло, чувство гордости ему не знакомо, а в его трудном деле это манна небесная. Может, ежели был бы человеком, то и задумался бы над тем, почему туристы столь неосторожно собирали пожитки и как столько добра побросали. Возможно, создалось стойкое впечатление, что их спугнули или произошло нечто неординарное. А, может, другой медведь на горизонте маячил? Увы, знают причины токмо сами отдыхающие и всеведующая Мать…

Он неутомимо пёр к намеченной цели, стараясь не отклоняться надолго от заданного маршрута – вопрос стоял ребром, а не косвенно. Мишка знал наверняка, что с ним у Лады будет значительно больше шансов на успешность миссии, царь сибирской тайги обязательно поможет в сиём.

Косолапый раздвигал могучей грудью кустарники, папоротники, трещал под его нешуточным весом бурелом, прыскала в стороны в панике мелкая живность, убоясь быть раздавленной в «лепёшку», а иная – о, чудо чудное! – по дурости своей прыгала сама ему в пасть, как одуревшая от критического страха. Так бывает, говорят, только в сказках, но так есть в самом деле! Пусть крайне редко, но дичь, обезумев от ужаса, «случайно» прыгала на зубы мишке! Мишка, конечно же, не терялся: замедлив на время бег, с хрустом

и довольным урчанием разгрызал тупого зверька али птицу, затем вновь ускорялся. Страх и его подгонял, не жалея лап, - страх за новорожденную карательницу.

Достоверно известно, что обычные бурые медведи бегают со средней скоростью около сорока километров в час – это поболее, чем у атлетически развитых спортивных людей. Профессиональный марафонец выиграет на дистанцию, но проиграет почти стопроцентно в «догонялки». И то – у обычных медведей. Наш мишка по всем параметрам выгодно отличается от сородичей: ему мягко и ненавязчиво, как говорилось выше, помогает сама Мать-Природа, наконец-то, пробуждающаяся от древнего сна, в коий она провалилась до массовой христианизации, в Сумерки Сварога, - точнее, её основа, представляющая из себя нечто вроде разума, - другие функции никогда не дремали. Совсем недавно Предрассветный Час того же Сварога переместился в Рассвет.

Средняя скорость мишки – пятьдесят.

Травоядные представители фауны привыкли быть жертвами, бежать от охотников, а, значит, и бегать подолгу, непрерывно, многие из которых запросто сумеют оспорить пальму первенства среди двуногих именитых спринтеров. Хищники же устроены иначе, они лихачи на короткое расстояние: выследил потенциальную дичь (или окружил, если стайные), бросился из засады и, ежели за сто-двести (как правило) метров не догнали, не завалили, то остались голодными, а дичи в сей момент повезло. Как минимум, до сле-

дующих охотников.

Наш же мишка иного пошиба, выгодно отличается и от сородичей, и других хищников.

Ярило-солнце совершал круг по небосводу, одинаково освещая и согревая и плохих, и хороших, не разделяя на оные категории. Он ещё не утомился дарить Матушке-земле благодатное тепло после дождей, пролившихся больше недели назад.

Пашни, сенокосы, луга, косогоры, сопки, леса, чащи, ручьи, речушки, озёрца, болота – бурый медведь оставлял их позади себя, стараясь сократить расстояние, отделявшее его до Лады, загибая на север всё глубже.

Вот уж носа коснулся едва уловимый запах большой проточной воды – левый берег извилистой Яи стремительно приближался, хотя и двигался к нему по косой дуге, ведь время не на его стороне. Оного не хватает не только Кощуну и людям.

Люди. Иногда они встречались ему воочию: одни пугались до мокроты в штанах, другие, сломя голову, не разбирая дороги, убегали с воплями и криками, третьи более разумно замирали на местах, видя, что это не за ними пришла косолапая смерть. Медведь и не пытался избегать «венцов природы», считая не позволительной роскошью терять драгоценные минуты, дабы обогнуть оных. Но и на рожон не лез. Двуногие частенько сталкиваются в лесах, в обыденности, с обычными медведями и отнюдь не каждая встреча за-

канчивается для одной из сторон плачевно. Опасны для людей, чаще всего, шатуны, мамки с крохотными беззащитными медвежатами и когда случка. Мишке нонче не до человеков, они ему вовсе не интересны, пока не угрожают. Однако и намеренно к ним на глаза не бросался. В отличие от чёрных сородичей, Михайло ружейные выстрелы причинят ещё какой вред, - в таком случае и Мать не сумеет помочь, покуда основательно не сбросит оковы сна.

В десятке метров от кромки реки он совершенно неожиданно наткнулся на настоящего бурого сородича, сразу же вставшего в угрожающую позу. Тот недовольно урчал, оскалив морду, махал передними когтистыми лапами. Самец был моложе на два года, разгневан вторжением на его территорию собрата самым наглым образом и желал продемонстрировать своё преимущество.

Наш медведь ни на удар сердца не замешкался, бег и не подумал хоть самую малость замедлить, ни единого звука не издал. Глупец – так и не понял, что лучше по добру, по здорову ретироваться с тропы бегуна. Озверев, тот бросился на перерез, яростно зарычав, и… получил оглушительную, с ходу, затрещину по челюстям, развернувшую его вдоль своей оси более, чем на сто градусов, выбившую левый верхний клык и несколько зубов – со смачным звуком.

Мишка, как ни в чём не бывало, словно и не было сверхкороткой стычки, продолжал нестись дальше – лишь фыркнул презрительно. Молодой над*о*лго запомнит личный позор. Он

же не мог знать, что у старшего случались в жизни жестокие схватки с сородичами, из которых, без исключения, выходил победителем, отчего, само собой разумеющееся, серьёзно заматерел и стал бояться лишь за подруженьку, - а за себя напрочь разучился. В тех драках и зубы с клыками терял и оставил на память шрамы, невидимые из-за густой шерсти на шкуре. Молодой, проще говоря, малоопытный боец – ему не соперник.

Впереди через какое-то время показался очередной человейник, коий на раз-два не обогнёшь по дуге – дачный посёлок, примыкающий к слиянию рек Яи и печально известной Почитанки. Форсировать нахрапом СНТ чревато последствиями, а петлять – долго, потому, недолго думая, отчаянно смело вклинился в узкую пологую полоску между водой и крайними постройками. Стояла невыносимая духота, сыгравшая на лапу мишке – оная и Ярило не выпускали из прохладных домиков дачников: как говорится, работа – не волк, в лес не удерёт, будь она неладна – работа, в смысле. А вот местные собаки, не взирая на вовсе не сибирское пекло, зверя почувствовали и драли глотки со всей ответственностью сторожевых псов, от мала до велика. Пока кто-то из вялых людей соизволил выйти на открытый воздух, медведя и след простыл. Так и не обнаружив причин лая, они без зазрения совести заковыристо отматерили «пустобрехов проклятых». А когда и запах улетучился, увлечённые «моськи» не без труда всё же утихомирились, виновато опуская глаза

перед хозяевами и глядя на них исподлобья. И чего ругаются? Враг же был совсем рядом, под носом – неужто не поняли сего?

Оставив за плечами шумное сборище дальних родственников белых волчат, Михайло уже правил стопы к озеру, сверху смахивающего на поверженного дракона (али змия, кому как привычнее). Туда же путь держит Лада и иже с ней. Так что нет, слава богам необходимости переплывать не самое узкое водное полотно. Но ради родной девочки готов преодолеть и Томь и десять Яй одним маршем. Только бы успеть, только бы не опоздать. Ни Мать, в противном случае, ему не простит, ни он сам себе. А Мать всегда справедливо наказывает, за дело, без излишней, бессмысленной жестокости.

Как говорилось ранее, река сильно – мягко говоря – петляла, словно пьяная изрядно змея, посему держаться строго берега не было возможности, частенько приходилось спрямлять путь – то отдаляясь значительно, то приближаясь вплотную к мутноватой воде. Да и ландшафт не всегда удобный и ровный под сильными лапами. Чаще он пересечён оврагами, логами, болотцами, непролазными чащами, подъёмами и спусками, острыми россыпями камней и прочими радостями дикарской походной жизни.

Получалось, что просёлочные дороги, гибельные (в переносном смысле) и безрадостные (в любом случае), после дождей особенно, для велопеших и на колёсах людей, Михайло

оборачивались благом, пусть и здесь без двуногих, к сожалению, не обходилось. Сколь бы пакостными ни были колейки, всё же изредка по ним ездили. Но, если доселе удавалось вовремя в густой придорожный подлесок, пропуская мимо вонючие самодвижущиеся повозки, то сейчас откровенно не повезло. На встречу осторожно ехал по ухабам представительский китайский тёмно-оранжевый «Танк-500», густо покрытый пылью, с закрытыми стёклами. За оными горделиво восседал осанистый крупный видный мужчина с хмурым, даже озлобленным, щетинистым лицом, тёмными очками и головой, что коленка у маленького ребёнка, одетый в полосатую футболку. Справа от него, также чем-то (или кем-то) недовольная, но миловидная и чернявая, женщина, значительно моложе спутника. Завидев нестандартное препятствие на пути, мужик зачем-то резко ударил по педали тормоза, хотя итак передвигался с черепашьей скоростью. Рамник не выдержал грубого обращения с собой, обиженно чихнул, взрыкнул и заглох. Неведомым образом с изобилующего волосами носа слетели солнцезащитные очки.

Медведь, аки удалой казак, запрыгнул на капот, со скрежетом вмял его внутрь своим весом, не обращая внимания на исходящий от него жар. Он приблизил морду к лобовику, недовольно разглядывая тех, кто посмел застать его врасплох, покрывая горячим паром стекло от дыхания. Лысый раскрыл рот в изумлении, затряслись руки и ноги, а молодка, не выдержав напряжения ситуации, широко раскрыв боль-

шие глаза, истошно завопила - спутник недовольно поморщился: зачем кричать-то, лишний раз нервировать бурого хищника? Мишка раскрыл клыкастую пасть и выдал в ответ свирепое рычание, от коего у неподготовленного человека может и душа выскочить из тела и, на всякий случай, не вернуться.

Повезло – душа не выпрыгнула, однако юбка впереди повлажнела и женщина растеклась по кожаному креслу, опрокинувшись в обморок. Мужчина достоинство сохранил – так и не намок и не закричал, - лишь лицо обрело землисто-серый оттенок и волосы в носу зашевелились: в ГРУ и затем в ФСБ не штаны в кабинетах протирал, в самых настоящих «горячих» точках трудился…

Лада!!!

Косолапый резко вскинул голову выше крыши внедорожника, в карих глазах застыла тревога: он всем нутром прочувствовал несвойственную милой девочке животную ярость и страх одновременно. Звериные боги, что-то нехорошее случилось! Ой, беда-беда у «Конопушки»!..

Отчаянно взрыкнув, мишка не менее ловко спрыгнул с «пятисотого» «Танка», сильно качнув трёхтонную покорёженную махину. О паре уже и думать забыл, не до них.

И снова под тяжёлые лапы стелились луга, перемежаемые с островками пашен, сенокосов и берёзово-осиновых либо смешанных лесков. Успеть на помощь, лишь бы успеть.

Молодой подлесок расступился, явив медвежьему взору

старые длинные развалины, по коим уж трудно определить, что в лучшие времена они из себя представляли. Возможно, советский животноводческий комплекс, - но не обязательно, ведь к ним даже «народная тропа» заросла. А мелкая растительность да деревца скрыли под собой всё, кроме осыпающихся шлаколитых стен – и то фрагментарно. Идеальное место для каких-либо мистических или ведьмовских ритуалов, - вдали от посторонних глаз и ушей: ни людских тропинок, ни, тем более, просёлочных дорог – твори, что пожелаешь.

Пробегая через единственную, почти не заросшую, железобетонную площадку, медведь, конечно же, почувствовал ядовитый укус обыкновенного щитомордника, коего по случайности потревожил, но не придал сему значения. По ощущения сей укус мягче комариного для двуногого. Яд сразу же начал растекаться по жилам – отнюдь не столь быстро, как то же делает Чёрная Лихомань, и с иным эффектом.

Вот и руины остались много вёрст позади. Ярило-солнце медленно катилось по небосклону, набирая силу и опаляя жаром мохнатого Михайло, накаляя всё, к чему прикасались лучи. Оно поднимало над землёй душное марево.

Затормозив подле звонкого искристого и ледяного журчащего ручейка, он жадно и торопливо стал лакать воду, распугав ярких стрекозок. Суетливо перетаптываясь на месте, косолапый с пару десятков секунд выравнивал разгорячённое и шумное от бесконечного бега дыхание, затем вновь опустил голову к животворящему ручью. За длинные вёрсты скачек

организм шибко обезводился: марафон бежать – не дремать блаженно у валуна под прохладной сенью леса да сонно наблюдать за резвящимися безмятежно белкой и лисицей.

Напившись вдоволь, покатавшись на спине в воде, медведь отправился дальше, постепенно набирая скорость. Он двигался строго к цели, ни на вершок не отклоняясь от оной, словно по GPS-навигатору, вживлённому в мозг и напрямую передающему направление в «командный центр».

С каждой протоптанной верстой заветная цель становилась ощутимо ближе. Ладушка – и иже с ней – либо не торопилась за треклятым Волхвом, либо опять потеряла след-шлейф, либо по каким-то неведомым причинам стопорилась на месте. Лишь бы неновая беда! Её сердце продолжает биться – то размеренно, то усиленно: главное – бьётся!

Будто обухом по голове прилетело, когда до неё считанные вёрсты оставались. Накликал! Беда! Снова беда! Новая беда! Что-то происходит с ненаглядным человечком, что-то плохое, кошмарное.

Громко взревев, дабы хоть самую малость отвлечь на себя неизвестную угрозу, ежели та во плоти, медведь свершил невозможное – заметно прибавил бегу. Ожидаемо забыл об усталости смертной, сильной жажде, мучительном голоде. Он активизировал дополнительный резерв, стремительно сжигая накопленные спокойной сытой жизнью жиры.

Где-то на краешке сознания всплыло робкое желание завалиться в какой-нибудь холодный водоём, напиться воды,

набить брюхо чем-нибудь – неважно чем – съестным и в нём же отдаться во власть сладких сновидений, на остаток дня и на всю ночь, до полного восхода солнца. Желание всплыло и тут же ушло на дно болотное за невостребованностью. Не до неги, отдыха и снов нынче Михайло, когда тёмные силы угрожают любимой подруженьке. Кто её вызволит из беды, кто заступиться за хрупкую двуногую самочку, ежели не бурый мишка? Некому более, окромя хозяина тайги – он самый могучий зверь в ней, а не кто-то ещё.

Разорённый хутор косолапый обогнул справа, если считать «правом» от просёлочной дороги, ловко огибая стволы деревьев, но с хрустом и треском проламываясь через кустарники и валежник. Оттого и не заметил медленно приходящего в себя Николая и нависшего над ним в ожидании чуда Дружка, иной раз забывающего дышать и боящегося моргнуть лишний раз али отвести взгляд. В отличие от сидящих на прежних местах белых волчат – оных взаимно мимолётно ощутил. Их нельзя не ощутить, поскольку у тех крепкая ментальная связь с Ладушкой.

Но сейчас, явственно, не до хищников. Он явно, почти физически, настигшую Ладушку смертную беду, отобразившуюся на нём неизбывной смертной тоской и, одновременно, нахлынувшей с новой силой священной яростью.

Кошки, сбежавшие из терема в канун гибели малолетних хозяев, брызнули из-под тяжёлых лап кто куда: одни в стороны, другие быстро вскарабкались на ближайшие шершавые

деревья – со злобными мявканьем, шипением и рычанием. Мишка лишь фыркнул раздражённо на них, не убавляя скорости. В другое время он бы с удовольствием поиграл с ними в детские «догонялки» ради забавы.

Однако медведь чувствовал уж смердящую гнилостную вонь живых мертвецов о четырёх лапах, посланников разрушительной Тьмы. От оных за версту смердит плесневело й дрянью. Даже давно разлагающаяся рыбья свалка на берегу, под палящими небесами, с белёсыми червями в трупиках, пахнет куда приятнее и менее назойливо – как для животных, так и для двуногих с гиперчувствительными носиками. Сия куча попросту благоухает благовониями, по сравнению с заражёнными нечистой мерзостью!

Михайло твёрдо «определил» для себя: убить ворогов и спасти девочку человеческую любой ценой, пусть и сам погибнет! Лада обязана жить во имя будущей тайги и Матери-Природы! Ну, а ежели так случится, что вместо гибели Лихомань обратит его в свои ряды послушных чужой воле рабов, то либо Ладуля, как иммунная, прервёт его жизнь, либо сам расшибёт буйную головушку, покамест властен над собой, о ближайшее крепкое древо али каменный валун. Собственный вес ему в этом поможет.

Массивные ноги упрямо несли тяжёлую тушу вдоль заболоченного берега озера. Косолапый рвал вперёд, проваливаясь по щиколотки в мягкую землю, следы тут же заполнялись тёмной тёплой водой. Он рвал, с чавканьем отрывая ла-

пы, рвал вопреки жажде, голоду и измотанности слишком долгим забегом, коий не каждый марафонец одолеет с блеском, тем паче, большей частью, по пересечённой местности, с распространяющимся в крови щитомордным ядом. Рвал, потому что уже не только чуял тварей, но и слышал тройное угрожающее урчание – точно не от голодных желудков, хоть мутанты и ненасытны в еде. Ещё чуть-чуть, ещё немного – и скорая боевая помощь подоспеет. Держись, Ладушка, держись до конца, борись.

Вдруг деревья и кустарники сами собой раздались в стороны, словно по реальному медвежьему заказу, открыв взору кошмарнейшую картину. Мишка увидел чёрную мерзость. . Всю разом, сколько есть.

Три чёрных волка, пахнущих холодной (хоть и кровь мутантов на несколько градусов теплее прототипов) могильной тьмой, подступали с глухим рыком к *его* Ладе, с трёх сторон, у чистой кромки воды. Твари уплотняли, сжимали клещи с каждым ударом сердца, не выпуская ни в лес, где она может укрыться в безопасности высоких крон деревьев, ни к озеру, где потенциальная жертва, скорее всего, покажет лучшие пловецкие навыки. Невероятно крупные – крупнее белых волков, кои, в свою очередь, крупнее привычных серых, - представляют из себя абсолютное, как оно есть, в чистом виде, зло, отличное даже от людской злобы. Живые машины для убийства, от него они испытывают удовольствие куда как большее, нежели от потребления продуктов умерщ-

вления, то бишь парного мяса с ещё горячей кровью. Хотя бояться также способны, если судить по убитому Рысей мутанту-самцу.

Чего не скажешь об оборотнице, вновь принявшей частично облик духа-покровителя. Ни малейшего страха в её ауре, лишь голая первобытная, изначальная, ярость и острая, неодолимая жажда мести за л*ю*бого. Возможно, знай Лада, что любимого непостижимым образом вернул с пути в Ирий таинственный Белый Старец с Алтайского края, стойкость и крепость духа, в некотором роде, поколебались бы. Но, к счастью, али к сожалению, она о сём не ведала.

Заражённые сократили дистанцию на расстояние броска до карательницы. Ментальный призыв Хозяина не нёс в себе двоякого толкования, он приказывал убить, растерзать опасную жертву, вырвать и сожрать ещё трепещущее сердце. Непоколебимая воля и стальной дух, приправленные злобным кошачьим шипением, ощеренным в диком оскале ртом, острыми когтями и плавными движениями, давили на чёрных волков, угнетали центральную нервную систему, заставляли трусовато поджимать хвосты и медлить со смертельным (для кого?) прыжком. И лишь *приказ* Кощуна не давал позорно бежать, так и не начав свару, да явное численное преимущество и габариты поджарых тел.

На них давила Лада, давил Чёрный Мертвец, разрывая мозг на части от противоречивых чувств. И всё же страх перед Хозяином сказался могучее.

Однако, сколь бы ни перевешивал страх перед Верховным Кощуном, проигнорировать неожиданно явившуюся новую угрозу у них не было никакой возможности, потому как проигнорировать более, чем полутонного хозяина тайги никак нельзя, будь Хозяин хоть Кащеем, Владыкой Нави. Хозяин где-то там, в ста с гаком вёрстах, а лесной владетель *здесь*, в двадцати аршинах от ближайшего к оному мутанта. Это у чёрного Михайло вопрос не стоял ребром, *те* помощники карательницы – моськи на фоне *сей* туши, по-настоящему серьёзных проблем не доставили, так, мелкие неприятности (правда обернувшиеся гибелью из-за чрезмерной самоуверенности). Кощун «передал» неудачный опыт сотоварища сей троице.

Хм-м, получается… получалась «троица троиц»…

Священная ярость разлилась вместе с щитомордным ядом по забурлившей крови косолапого, глаза налились кровью, из гортани вырвался свирепый продолжительный рёв, от коего ворогам возжелалось провалиться сквозь землю и не выбираться оттуда, покуда царь-хищник не удалится от них далеко-далеко, по возможности, на сотню вёрст.

Могучий *приказ* истинного Хозяина призывал к смертному бою смолянисто-чёрных рабов. Ведь двуногий раб ещё выкапывает второй реликт на озёрном островке, недалече от собравшегося «зверинца». А артефактов – три!!

Глава 3. Битва с Тьмой и нежданное Чудо

Лада незаметно, не отвлекаясь от тварей, сморщила шерстистое лицо, скривила узкие губы: и рада, и не рада одновременно неожиданной помощи в лице (точнее, в морде) бурого друга. Одного уже потеряла, второго, естественно, совсем не хочется. У *неё* лишь иммунитет против мерзкой заразы, прочим же он не дан. Разумеется, послать мишку куда подальше не получится – упустит бросок вражий и тогда верная смерть обоим.

Не взирая на явную разницу в весовой категории и очевидную могуту хозяина тайги, на последнего отвлёкся лишь один волчище. Будь медведь человечьим воином, наверняка обиделся бы на подобную расстановку сил и неуважение к нему. Кощун учёл предыдущий неудачный опыт битвы мутанта, когда недооценил возможности Рыси, вложенные Матерью через ритуал в неё, чем поплатился гибелью раба. Слишком трудоёмкий и энергозатратный сей процесс – создание полноценного боеспособного раба, тем более на расстоянии. Проще загубить агнца, чем успешно войти с ним в симбиоз.

Волк развернулся и молча напал на живого зверя, будто

выдрессированная псина.

Остальные замешкались на какую-то секунду, отвлеклись на собрата, но её хватило оборотнице. Хватило на то, чтобы совершить два стремительных шага к ближайшему ворогу и с хищным шипением резануть с треском поддающейся плоти стальными когтями правой руки по левой стороне морды. Она выдрала куски кожи и мяса, глубоко пробороздила челюстные кости – побежала ядовитая вонючая кровь.

Мутант оглушительно взвыл-заскулил от неописуемой боли, дёрнулся инстинктивно назад, задрав к небесам голову, словно хотел у Ярилы попросить заступы перед слишком быстрой демоницей…

И получил жёсткий, будто камнем, пинок пяткой под нижнюю челюсть. Характерный звук возвестил об удачливости сего действия, а новое взвой-скуленье прозвучало музыкой для души карательницы, оскалившейся в подобии кровожадной улыбки. В миндалевидных зеленовато-янтарных глазах заискрилось хищное счастье, ежели можно так выразиться. Разве не счастье, что волк-мутант сказался заметно слабее и хрупчее медведя-мутанта?! А какое же счастье снова ударит по самолюбию (если таковое, конечно, имеется) древнейшего уродца, мнящего, видимо, себя богом?!

А Верховный Кощун в действительности то скрипел кривыми челюстями, то стучал их друг об друга, просунул наружу длинный гадкий, с костяным жалом, язык. Тьмущие спирали в глазницах кружились бешеным вихрем, словно норо-

вя выскочить на свободу. В них живо засуетились тёмно-зелёные и багровые искорки – точки душ, загубленных в незапамятные времена. Саблевидные когти поочерёдно прижимались к внутренней стороне кистей и растопыривались в смертоносные веера. Одним из таких «вееров» он с размаху чиркнул по стене могильника, высеча мириады искр, каменное крошево и мелкие ошмётки чёрной плесени.

Ему показалось на краткий миг, что сия мелкая *сучка* вроде бы загляну*ла* в него, в его глубинную суть (любопытно, каков он – *внутренний мир* Чёрного Мертвеца?), потому как в пик его буйства злорадно не то зашипела, не то захохотала, а, может, всё вместе. Глядела в сей момент не на жалобно скулящего щенка, а в тьмущую душу, через лихорадочно мятущийся мрак раба. Как это возможно?

На самом деле Кощун много о себе возомнил: Лада вовсе не чувствует оного через приспешников, но отлично знает, что тот управляет своими созданиями дистанционно, принимает в их судьбе непосредственное участие. В одном всё же угадал – шипение-хохот предназначалось ему персонально.

Нежить, по обыкновению, застыл изваянием, переключив всё внимание на второго раба.

Лада никогда не была прирождённой воительницей, дочерью отца-воина, - скорее, крестьянкой, потомственной крестьянской дщерью. Так сказать, на тропу войны стала считанные дни назад, в виду жёстких обстоятельств, не изволивших спросить её мнения по сему поводу – Коленька и то

бо́льшим воем был.

Потому и позабыла о сотоварище подранка, упустила из виду. А почуяла неладное в самый последний момент, успела развернуться на сто восемьдесят градусов, встретила лицом бесшумный бросок, поваливший грубо её в сочную траву.

Хозяйский пёс страшно клацал зубами, всеми силами стремясь дотянуться до вожделенного горла. Он глухо рычал, источая непередаваемое зловоние и плюясь густой, матово поблёскивающей на солнце, слюной, беззащитно и физически безвредно растекаясь по короткой рысьей шерсти щёк и зауженного (в сравнении с человеческим) лба. Прилипчивая, невыносимо благоухающая, мерзостная, дополнительно раздражала обострённое обоняние.

Как ни крути, а туша чёрного мутанта потяжелее будет, чем у белых волчат. Он давил на рысь всей недюжей массой, помогал себе качка́ми, тянул клыки к тонкой шее или к лицу, куда получится. В людском обличье никогда не отличавшаяся богатырской могутой, в полурысьей, на грани сил, удерживала на изломе от непоправимого за лапы, одновременно упёршись ногами в брюхо, вонзив в оное все десять когтей, так сказать, «щекоча» ими стенки толстой кишки и царапая печень.

Волк продолжал напирать на девушку при ментальной поддержке Владыки, во всю используя весовое преимущество. Замогильный, по тембру и тональности всё же несколько разнящийся с природным оригиналом, глухой рык стал-

кивался со злобным мяуканьем, переходящим в громкое шипение.

Боль скручивала наседающую тварь, из колотых и рваных – от когтей задних, ясно – ран, смачивая обильно смолянистую шерсть и кожу, текла на Ладу кровь вражья, пропитывая собою футболку и трико, окончательно превращая оные в бомжацкое тряпьё, уже негодное и для мытья полов, не то, что носить.

От титанического напряжения колошматилось об грудную клетку Рыси сердце, бурлила кровь, вздувались вены и наливались кровью глаза. От смрадного дыхания и телесной вони вражьей сбивалось дыхание, не помогало даже его затаивание. Амбре всё равно проникало в нос т рот, заставляя плакать до слёз, пыхтеть и щёлкать беспомощно клыками, конечно же, уступающим волчьим по внушительности.

Настало время злорадствовать древней нежити, чем с удовольствием пользовался. Он усиливал помощь четырёхлапому рабу, расходуя немало резервов своих и последнего. Как упоминалось ранее, Лихомань требует за предоставленные возможности больших жертв, в противном случае убивает беспощадно вместе с собой. К Нави сии обстоятельства – ежели сейчас не вырвать сердце карательницы, она почти наверняка нагонит Весимира раньше, чем тот передаст ему третий реликт, что, само собой, недопустимая роскошь в нынешних реалиях. Потому убить любой ценой – сонная Мать вряд ли успеет создать нового полноценного воя. Для

нужного ритуала требуется множество определённых условий и стечений трудно реализуемых действий и манипуляций. Сколько её понадобилось – седмиц, лун, летов?! – того самого драгоценного времени?

На краешке сознания быстро промелькнула тревожная тень, не зацепившись за оное, дабы хоть «пощупать для распознания. Треугольные уши самопроизвольно шевельнулись, настраиваясь наподобие приёмной антенны. Не ослабляя упорства в сопротивлении, Лада просканировала крошечной частью своего духа окружающее пространство в поисках источника стресса. И впрямь – что-то изменилось в звуковом сопровождении. Вроде также ровно плещется озеро, колышется трава от дыхания знойного ветерка, шелестит листва деревьев. Хм-м… Слышна возня от борьбы мишки с мутантом, отделившимся с начала боя. Её мутант, усиливая давление, порыкивает, клацает челюстями и горячо и тяжело дышит – беспрестанные борьба, влияние Кощуна и потеря крови даром не проходят…

Едва уловимый даже чутким рысьим слухом треск сучка в траве, за головой, подействовал сродни разорвавшейся мине.

Скулёж – щенячий, болезненный, непрекращающийся – оборвался! Из-за оскалённой морды перед лицом и непередаваемого зловония со слюновыделением не давали его замечать, но стоило тому прекратиться, как Лада мельком осознала, что нытьё, оказывается, *капало* исподволь на нервы, навроде комариного писка в беспросветной темени! Похо-

же, Кощун взялся и за подранка, заставив игнорировать боль и красться к ней, чтобы помочь собрату. В подобной позе, прижатой к влажной земле, оборотнице ни за что не одолеть обоих сразу.

Ах, как хочется жить! Отомстить за Коленьку, спасти мишку, вырвать кадык треклятому Весимиру и, напоследок, пересчитать все косточки пр*о*клятому Мертвецу, а выдранный костяной язык да отломанный рог оставить себе на память, в качестве сувениров, напоминавших бы о гибели милого друга и свершившемся отмщении за него. Какая сладкая мечта.

Казалось бы, куда ещё больше – но сердцебиение бешено ускорялось, норовя вырваться за пределы вечного узилища грудной клетки, впрыскивая в разгоняющиеся кровяные потоки энергетические ручейки, впитывающиеся в р*у*дую плазму.

Видимо, волк почуял происходящие в потенциальной жертве значимые изменения или сиё отразилось в расширившихся зрачках и слабо запульсировавших, похожих по рисунку на далёкую галактику. Нотки рыка незаметно сменились на более враждебные и предупреждающие, челюсти раскрылись в чудовищном оскале, прекратив щёлкать, почти вплотную приблизившись к лицу девушки – ещё чуть-чуть и вцепятся в узкие губы али уплощённый нос.

Лада уже чувствовала макушкой головы неровное прерывистое, не менее смрадное, дыхание первого, раненого, му-

танта, когда ангел-рысь расправил стрекозиные крылья, тонко завибрировав ими. Оборотница насмешливо-издевательски, аки демон из какой преисподней, устремила острый пылающий взор в тьмущие глаза и захохотала в волчью морду, чем невольно ослабила самую малость давление на себя, до предела раскрыла когти из подушечек пальцев.

Два чудовища – раб и Хозяин оного – только и успели недовольно-недоверчиво уставиться на тронувшуюся умом карательницу. Коя выпустила из хватки чёрные лапы с тиаковыми же когтищами и устремила десять стальной прочности клинков вверх, одновременно толкая задними лапами-ногами и пружиня всем телом. Хищника откинула на пол-аршина от неё с отчаянным визгом и грохотом. Затем столь же пружинисто подскочила на задние конечности с отскоком уже на целый аршин от первой твари, по-собачьи отряхнулась и угрожающе зашипела, возвращая зрачкам нормальный размер.

Нескучно было и Михайло, кружащимся с недругом в смертельном танце. Некогда сочная, изумрудно-зелёная, трава под ними, напоённая щедро (и отчего-то нетронутая скотинкой почивших хозяев терема) Ярилом-солнцем, втоптана во влажную из-за близости воды и относительно недавнего дождя в землю. Сама же матушка земля изборождена смешавшимися друг с другом глубокими следами.

Медведь прекрасно – и без знаков Матери – понимал, что перед ним совсем необычный, мягко говоря, неординарный

волк. И не токмо окрасом, размерами и свирепостью. Привычные ему серые ходят стаями да обходят его за версту, тем хватало разуменья не связываться с матёрым хозяином сибирских лесов. Себе дороже выйдет – оного не боятся и не опасаются лишь белые брат с сестрицей да Ладушка.

Сей же субчик отличается в корне от всех виданных доселе хищников. Чуется, родом из обычных серых волчков, но более, чем в полтора раза, крупнее, намного суровее, выносливее, сильнее. Его не убивают глубокие раны, что печально, не выводят из строя, практически не ослабляют; кровь гуще, дурно, едва не до мути в желудке, пахнет – а ядовита невообразимо: укус коварного щитомордника по сю пору не свалил, не вызвал тошнотворной слабости. Звериный инстинкт подсказывал – стоит окропиться в чёрной гнилостной заразе и он не жилец. Это Ладушка к ней устойчива: уж вся чернёхонька, а ей хоть бы что – отряхивается и дальше бьёт подлецов.

Бурый медведь, может, и превратил бы к нынешнему моменту ворога в фаршированную волчатину, предварительно заставив того волочить за собою собственные кишки, путающиеся в своих же задних лапах, но… Не когтями да клыками надобно бить подобного недруга, а давить тушей, дробить массой кости, утаптывать в отбивную. Вот незадача – как? Волчара больно шустрый, смертоносный, сам-то не чурается пользоваться природным оружием.

В надежде на успех и превосходство, косолапый громо-

гласно, как говорится, на всю ивановскую, распугав всех пичуг в округе, ревел, рассекал воздух чудовищными ударами лап – такая африканского слона с первого раза подкосит, как минимум, ежели попадёт, куда надобно. Он вставал на задние, вышагивая перед чужим зверем – в общем, прямо демонстрировал свою недюжую мощь, имея что показать. Ворог-то не глуп – как и Владыка, внимательно наблюдающий за обоими – по крайней мере не глупее основателя из дикого племени. В лоб не лезет, также угрожающе рычит, подпрыгнет почти вплотную к Потапычу и тут же назад, поджав хвост, увиливая от костедробительных затрещин – уж получил от него и не раз. Следующее попадание, очень вероятно, выпадет последним в волчьей доле. В этой доле самое эффективное оружие растёт на четырёх лапах и в пасти.

Первым мерянье пи… силами не выдержал мишка, в эффектном прыжке сократил дистанцию, замахнулся лапой. Чёрный хищник с визгом, кубарем едва успел откатиться назад и вправо, мячиком подскочил на лапы. Он молнией метнулся вперёд, поднырнул под хват челюстями-капканом, резко развернулся на месте и ухватился в подскоке, с рыком, клыками за левую лопатку.

Медведь взревел, как три корабельных гудка разом от такого хамства, а животный инстинкт завопил – заражён! Мутант сжимал плотнее челюсти, проникая всё глубже под шкуру, в мясо. Когтистые лапы, стараясь удержать поджарое тело на беснующейся туше, скребли по ней, раздирая до крови

и кожу, и мышцы.

Ревя и прыгая, мишка завалился на бок, прижав к земле и раздробив задние ноги оказавшемуся на сей раз нерасторопному ворогу. Тот снова завизжал, разжал полную густых слюней пасть. Однако Кощун ни на удар сердца (мутантского, естественно, своего-то нету) не «слазил» с раба – ежели уж терять его, то с пользой для дела.

Разумеется, данная пара конечностей пришла в абсолютную негодность, захватив с собой и хвост. Но, покуда бурый хищник не поднялся или не раскатал его в блин, волчара вновь вцепился в ту же лопатку, с несколькопудовой силой сжав её наподобие соответствующего (медвежьего) капкана, роясь быстро-быстро, вроде как в земле, передними когтями в бедре. Они содрали приличные, разлохмаченные, куски плоти, красная и чёрная р*у*ды (кровь) смешивались, становясь чёрной. Косолапый рычал на всю тайгу, катался и перекатывался по земле, сминая всё на своём пути – травы, купы кустов, хворостины, сбивая с дерев, если попадались, сухие сучья, листья али хвоинки, тонкие переламывались.

Отнюдь не хрустальной хрупкости волчьи кости хрустели под более, чем полутонным весом. Челюсти хрустнули в восьми или девяти местах, половина зубов повыскакивала с гнёзд, буркала, растеряв мятущуюся Тьму, выскочили из глазниц, затем лопнули. Кишки, частично вылезши через определённый проход и пасть, растеряли своё содержимое. Волк уже был давно мёртв и, как говорилось выше, раска-

тан в блин, а хозяин яйских лесов продолжал с неудержимой яростью мять то, что осталось, не чувствуя сильнейшего амбре, но ощущая до сих пор боль и ненависть.

А Чёрная Лихомань, проникшая через все раны, полученные в схватке с бывшим носителем заразы, почти комфортно распространялась по ритмичному току крови в жилах, не взирая на неуёмное беспокойство заражённого организма, оседая в клетках тканей.

«Почти»… Змеиному яду не «нравилось» агрессивное чужеродное вторжение плесени и вируса. Яд, направляемый Матерью, «неспешно» встраивался, биохимически меняясь в медвежий геном с конкретной функцией усилителя иммунитета. Защитная система забила тревогу по всем фронтам, активизируя недореконструированный заслон.

Рёв друга – не победный али азартный, а от боли и ярости – беспрестанно подстёгивал оборотницу к активным действиям, не позволяя думать о передышке даже мимолётно.

Подранок щёлкнул многострадальными челюстями по ногам – да мимо. Лада подпрыгнула и с силой приземлилась обеими стопами на широкую шею, легко удерживаясь на дрыгающей жертве и помогая сему вонзившимися когтями. Мутант задёргался, суча по земле передними лапами и вертя башкой. Ощерившись, зверица изящно опустилась на корточки, пробила передними когтями черепную кость, с шипением рванула на себя, навечно прервав жалостливый скулёж. Откинула осколки костей, по привычке, по-собачьи отрях-

нулась от разорванного мозга и крови.

Немедля девушку атаковал в прыжке «последний из могикан». Она отпрыгнула чуть в сторону, пропуская своеобразный снаряд мимо себя, резко вжихнула смертоносной растопыренной пятёрней. Волк упал на подломившиеся лапы, за мёртвым изувеченным собратом с истошным визгом – на рёбрах, с левого бока, проявились длинные, глубокие кровоточащие борозды. «Подбадриваемый» ментально Хозяином, заражённый хищник не без труда поднялся, потряхиваемой от бесконечной усталости и нестерпимой боли, с повизгивающим рычанием повернулся к обидчице. Звериные боги, как же хочется вернуться к прежней – серенькой – жизни, в убитую им же стаю, охотиться на глупую (м-м… не всегда) дичь, дразнить иногда двуногих подле их логова, брюхатить самочек, наущать жестокой мудрости щенков… Эх, несбыточная мечта при любом раскладе!

На несколько ударов сердца чёрный зверь замер в двух аршинах от несостоявшейся жертвы, нагло ухмыляющейся. Оная стояла подле трупа, пожираемого собственными симбионтами, расставив в стороны руки-лапы с обнажёнными природными клинками. Не шевелилась, никуда не торопилась, не боялась, уверенная в себе, клыки обнажены, во взгляде испепеляющее пламя – хоть не обжигающее, но убивающее не хуже. Взирая на карательницу, волк углядел в ней свою судьбу – безжалостную и неотвратимую, как богиня Морена. В глазах спокойно кружилась спиралью холодная

Тьма.

Ещё не начав движение, мутант чётко осознал, что в боевом танце он уже проиграл право на победу, что вот она – его смерть. Но воля Кощуна крепче незыблемой скалы, лишь она одна принуждала сделать первые шаги, оттолкнуться упруго от земли, метая тело во вражину.

Лишь на краткий миг Лада отвлеклась тенью мысли на взревевшего в очередной раз друга, как небо и земля поменялись для неё местами, а грудина чуть не вмялась в лёгкие, из коих почти весь воздух вылетел. Безумная боль и злость на сам*ую* себя помогли ей самой не отлететь в бесконечное забытьё.

Волк попытал счастье вцепиться в лицо, удерживая её весом припечатанной к почве, но получил раздирающий хлёсткий удар под челюстью: из пробитой трахеи затравил со свистом воздух, из раны полилась кровь. Зверь захлебнулся в собственном визге, яркий мир вмиг помутился.

Лада вцепилась в тяжёлые лапы с шипением, давящие на грудь, едва ли на три миллиметра оторвала от себя, сбросила их за предплечья, почувствовав заметное облегчение. Мутанта покачивало, он потряхивал часто головой, разгоняя дурман, однако усугублял своё положение и ускорял кровои воздухоизлияние. Девушка полоснула по грудной клетке ворога, но тот, кажется, не почувствовал новой раны, занятый стремительно накатывающей слабостью и удержанием в лёгких остатков кислорода, коего катастрофически не хва-

тало, как ни пытался вдохнуть хоть глоток.

Захлёбываясь от чужой крови, льющейся на неё, как из ведра, рысь вонзила крючья когтей в боковые линии шеи, рванула сопротивляющееся по инерции тело на себя, заглянула пламенем в непроглядный мрак, тем самым посылая Хозяину через его раба сигнал с надеждой, что тот поймёт жаркий посыл, к коему всё же, на всякий случай, добавила слова – Весимира же нежить понимал при разговоре на русском языке?!

- После пр*о*клятого Волхва я приду за тобой, уродливая Мерзость!!! – искажённый частичным обращением голос гортанью см*о*г выразить раскалённую ярость-шипение, даже если непоняты до конца слова. – Т*ы* заставил стать меня сильной и смертельно опасной для ворогов!! Ты – др*е*вняя кляча, но в моём сердце живёт любый, коего ты отнял! – бушующее пламя утихло, уступив место абсолютной уверенности в праведности своей мести. – Берегись деяний своих – и поступков, ибо оные – твоя слабость!

Лада оттолкнула от себя голову, мгновенно приведя приговор во исполнение: когти вонзились в нижнюю часть шеи и дёрнулись в противоположные стороны, разорвав горло до позвонков. Она оттолкнула от себя всеми конечностями валящуюся на неё тушу, поднялась не очень легко и со злым шипением, недовольным донельзя, по старинке тщательно отряхнулась, затем отплевалась.

Волк довольно долго агонизировал – плесень тратила по-

следние силы, дабы поднять своего носителя на лапы, - да токмо тщетно. Сл*и*шком много обширных внешних и внутренних ран. А главное – лёгкие самостийно не способны поглощать из атмосферы живительный воздух.

Чёрный Мертвец по достоинству оценил послание карательницы, однако оно вызывало лишь смех: без лету седмица, сумела-таки – кстати, тоже малоопытных – одолеть тройку рабов, а уже возомнила себя великой убийцей! Истинные богатыри и предки нынешних Волхвов погибали в схватке с ним!

«Мишка!» - вспомнила оборотница о своём косолапом друге, когда волки, под влиянием прожорливой мерзости, изменились до неузнаваемости: шевелящаяся в ультраскоростном росте чёрная плесень целиком накрыла разлагающиеся тушки этаким живым саваном.

Не меняя собственного облика, попросту позабыв о сём, Лада развернулась на месте и на четвереньках поскакала к медведю, не задумываясь о том, как выглядит со стороны – кому смотреть-то на необычный гибрид рыси и человека?

После горячки боя на землю спустилась оглушительная тишина – ни пения перепуганных птах, ни шуршания зверьков, ни насекомых. Ни звука не издавал лес на значительном удалении от ратного поля – токмо озеро осмеливалось плескаться, да ветерок шуршал в кронах лиственных деревьев. Им-то нет дела до чужих судеб.

Место битвы же представляло из себя обширную площадь

с морщинистой от тысяч следов землёй с вытоптанной растительностью, смятыми кустами и сломанными деревцами – будто стадо слонов прогулялось по оному. Даже бывалый охотник – али егерь, - наткнись случайно, на следующий день, на сию территорию, вряд ли с ходу определит, что здесь произошло – ежели вообще догадается. Вполне возможно, придёт к выводу, что виноваты в варварском отношении к природе либо люди (кто ж ещё-то?), либо неведомая аномалия, , может, и инопланетяне.

Медведь лежал на правом боку и медленно умирал – беззвучно и без малейших движений, безропотно приняв удар злополучной судьбы. Боли не было, лишь уничижительная слабость, предательски сковавшая всё тело, отнимающая последнюю волю к жизни. Два укуса в левую лопатку и разодранное чёрными когтями, до кости, предплечье заполнила чёрная же, алчная до чужой плоти, плесень, просачивающаяся с потоками алой крови во весь организм, ломая с некоторым усилием его защитную систему, вначале встраиваясь в звенья спирали ДНК, а затем разрушая их, разрывая, соответственно, целостность основных цепочек. А вирус, содержащийся в плесени, отравлял, к тому же, тело своими продуктами жизнедеятельности.

Но не только через раны проникали симбионты в плоть краткосрочного хозяина. Михайло, раскатывая в уродливую лепёшку ворога, налепил на шерсть много его гнилой крови, содержимое коей начало разъедать, аки кислота, и шерсть, и

шкуру, инстинктивно устремляясь под оную.

Пока Ладушка садилась на пятую точку, рядом с другом, успела охватить отчаянным взглядом б*о*льшую часть сей неприглядной картины, по крайней мере, той, что неприкрыта между тушей и землёй. И печальные, почти по-человечески, осмысленные карие глаза, неотрывно следящие за её манипуляциями. Глаза, которые видят свою кончину. Физически мишка ещё с ней, но душа уже готова отправиться в необозримые края, на встречу с Создателем – он это чувствовал не на уровне звериных инстинктов, а *понимал* со всей ясностью.

Девушка с натугой просунула тонкие жилистые мохнатые (какой кошмар был бы для любой современной женщины) ноги под неподвижную голову, прижав книзу стальные когти, дабы не распороть ими толстую кожу. Положив мягко, аккуратно руки-лапы на вытянутую морду, она тихо запела какую-то песню с мотивами вселенской грусти. И была бы та песня красивой и мелодичной, ежели пела бы её *девушка* по имени Лада Рысь. Однако голос полуобращённой сильно искажался *другой* гортанью, выдававшей больше помявкивания, невольного фырчания и непроизвольного шипения, свойственных настоящей рыси, нежели двуногому существу. Даже если то прожило не один десяток лет в безлюдном краю, среди так называемых диких животных.

В миндалевидных зеленовато-янтарных очах сухо, как в пустыне Намиб. Не взирая на тоску и угнетение, слёзы не

желали литься, орошая грязную шерсть на щёках. Ни слезин-ки. За последние два-три часа Лада потеряла двоих, а слёзы выплакала над Коленькой, видимо, все до капли.

И, тем не менее, песня летела на крыльях подхватившего её озёрного ветерка по затихшей тайге, сообщая затаившимся обитателям оной, что страшные вороги побеждены и сейчас бояться нечего; что можно возвращаться в родные гнёзда, норки, логова и так далее и вернуться к прежним занятиям. Жизнь охотно возвращалась в привычное русло, заповеданное Матерью-Природой ещё в дремучие времена, когда и в помине не существовали злостные нарушители её незыблемых Конов. Песня же долго продолжала лететь на могучей спине ветра дальше, по лесам, над полями, лугами, пашнями, людскими селениями, проникла в жилища некоторых из двуногих, невольно заставив учащённее биться их сердца. В том числе сердце участкового из Яя-Борика Абельгаяза.

Мозолистые подушечки пальцев с великой нежностью, совсем по-матерински, гладили голову хищника. Вслед за ними, в опасной близости от кожи, мелькали приподнятые когти. Под действием ласки и заботы, душа решила повременить с собственным отлётом, тело охотно принимало оные, а глаза, на всякий случай, следили за смертоносными крючками. До чего же острые их кончики, аж оторопь берёт, особенно, когда чуть ли не задевают зрительные органы. Хватит легонького, мимолётного касания, дабы их ненароком пронзить: мутантские-то мясо и черепушки вон как рвали!

Она глядела неотрывно в одни её ведомые дали, почти не моргая, мелодия с кошачьими нотками свободно парила над яйской землёй, заботливо обнимая её, как мать обнимала бы любимую дочь, шершавые ладони гладили умиротворяюще голову Михайло. Мысли растворились в бесконечных высях, где-то за небесами или за горизонтом. Зато из ладошек и подушечек пальцев вытекали эфемерные тоненькие струйки энергии тепла, любви, заботы и сил, медленно, как бы сонно, втекая в бурого медведя через ноздри, пасть, глаза и уши, легонько щекоча слизистые оболочки. Струйки проникали во все ткани и клетки, вычищая из них въедающуюся дрянь. Естественно, мерзости сии бесплотные ручейки не нравились, она сопротивлялась убийственному воздействию по всем фронтам. Как бороться с тем, что не имеет физической осязаемой плотности? Как бороться с ледяным вакуумом космоса? Или как поймать ветер, дующий в твою сторону, толкающий тебя сам?

Вирусы массово вымирали, как когда-то динозавры, неандертальцы и мамонты; примитивные микроскопические грибницы плесени цепенели, замедляли бурный рост, разделялись, так сказать, на отдельные крохотные тельца, практически незаметные невооружённым глазом в подобном виде. Струйки неукоснительно и без жалости действовали, согласно заданной программе. Биохаккер создал её походя, не заметив собственного творения, как не замечает порой человек высказанного им в сердцах проклятия: излил на оппо-

нента и тут же забыл, сочтя, что всего лишь выразил негативные эмоции. Проклинающий не помнит, а проклятого через месяц, год, десять лет оное всё же настигло, в лучшем случае серьёзно осложнив жизнь.

Вот и Лада, уйдя в песню, второй раз за день не замечала того, что сотворяла: хотя стоило ей лишь мельком опустить взгляд ниже – и узрела бы. Обычные люди тоже не заметили бы светлых ручейков. Но то – обычные люди. Медведь и зрел, и ощущал позитивный эффект, побеждающий саму холодную смерть. Возможно, красивая животворная песня его усиливала, а, возможно, особое сочетание слов-ключей и звуков, однако процесс, как сила свободного падения, ускорялся непрерывно.

Хотя медведи практически не потеют, наш же мишка пропитался собственным вонючим солёным потом. Он периодически невыносимо зловонно испражнялся, из пасти, ноздрей и ушей, не препятствуя входящим струйкам, периодически вытекала гнилостно-чёрная сукровица, благоухающая не хуже, чем прочие выделения.

Все выделения чёрного цвета, потому как омертвевшим клеткам симбионтов куда-то нужно деваться из организма, также как *их* продуктам жизнедеятельности.

Через время оные стали постепенно светлеть, с каждой пройденной минутой приобретая более и более естественный, природный, цвет. Приглушалась и вонь.

Как ни парадоксально, живая энергия уничтожала не всех

паразитов. Примерно, десятую их часть смешивала с щитомордьим ядом, получившуюся, принципиально новую, смесь как бы вводила в антитела, встраивала в недостающие звенья ДНК, преобразовывала, реструктуризировала и получался совершенно иной, так сказать, усовершенствованный геном, отныне не подверженный губительному влиянию прародителя – Чёрной Лихомани Чёрного же Мертвеца.

Верховный Кощун потерял связь с детищем на ранних стадиях модификации полутонной жертвы – на стадии оцепенения мерзости. Он попросту строчил оглушительно сухим щёлканьем и механическим треском, означавшими крайнюю степень неудовлетворения сложившимися обстоятельствами. Махонькая девчушка и бесповоротно тупой тяжеловес превратили в ничто, в уродливую жирную кляксу на почве, *трёх*, вполне разумных, сильных рабов! В миллионный раз – как такое возможно на практически выродившейся Срединной Земле в нынешнее время, хилой наследнице по-настоящему могущественной Да'арии? Ужо вторично – за од*и*н день! – ошибся в могуществе сонной Матери!

Сонной Матери! Каково будет, когда Рассветный Час Сварога вступит в полную силу? Впрочем, ответ прост и логичен – Мать-Природа поднимется с положения «лёжа» в положение «твёрдо стоя на ногах» и прибудут Вышние Боги! На сей раз спасительным могильником не отделается – сотрут с лика Да'арии без суда и следствия, развеяв даже память о нём по Вселенной.

До чего же медлительны и неповоротливы эти мягкотелые! И это с Чёрной Лихоманью в крови! А подгонишь лишний раз треклятого Весимира, так его душа в сей же час отлетит в Навье царство от безмерной усталости тщедушного тельца. И самому нельзя, хоть границы «колодца» и разрушены. Ежели неопытная малохольная деревенская соплячка показала чудеса воинственности, то бывалая восьмёрка обережных Волхвов и вовсе разберёт его на составные части ещё до прибытия заклятых ворогов. До кр*а*йности необходимы два оставшихся реликта, без них он сказался слабее новоиспечённой карательницы. А так не д*о*лжно…

Чернота на ранах скукоживалась, ссыхалась, теряла жирный смолянистый блеск, отваливалась с шуршанием и посеревшим пеплом оседала по шерсти и земле, уже никому неспособная причинить вреда, нестрашна и малой букашке. Короста осыпалась, обнажая мясо и кровь, наливающиеся здоровыми оттенками красного, кои присущи обычным, эволюционно развитым, живым существам – млекопитающимся, птицам, рептилиям и рыбам. А, высвободившись из полона мерзости, раны невероятно быстро затягивались, срастались друг с другом их края – и на сиё диво дивное требовались не тягостные месяцы ожидания и врачебной помощи (точнее, ветеринарной), а какой-то час с «хвостиком» и безмерная любовь деревенской девушки. Нет необходимости упоминать, что она готова отдать всю себя, без остатка, за любимых людей и… зверей.

Лада уж давно закончила странную и, вместе с тем, необыкновенно красивую песню, сидела в неудобной позе, продолжая гладить морду медведя, и заглядывать куда-то за горизонт. А прозрачные струйки всё наполняли зверя, казалось бы, неиссякаемым потоком, словно из рога изобилия. По внешнему виду и не скажешь, что «колодец выжат досуха», на ней не отражались исходящие потоки, будто оные текли *через* неё, а не *из* неё.

Погружённая глубоко в свои горючие мысли, оборотница совершенно не замечала ничего вокруг происходящего. Ни гибели б*о*льшей части симбионтов и преобразование остатков в иное состояние, ни заживающих *о*чень ускоренно, аки в сказках, ран, ни выровнявшегося дыхания, ни первых потуг подняться на лапы, - ровным счётом, ничего. Она уже уверилась в гибели Николая и Михайло, жёстко корила себя за то, что не уберегла ни первого, ни второго, при том как будто бы сама и не участвовала в жестокой схватке. Что ж, выбора нет: догнать и погубить последних рабов да выполнить обещание, данное древнему нежити. Или погибнуть в грандиознейшей битве.

Животворящее тепло разливалось по жилам, наполняя мышцы и кости небывалой доселе могутой. Сила гнала прочь слабость, вялость, оцепенение и желание поскорее закончить жизненный путь, избавиться от мучительных жажды, голода и нетерпимого жара, вызванных прожорливостью Лихомани. Она – могута – доходила до каждой клеточки, ещё недавно

истощённого длительными марш-броском, схваткой и заразой организма, заполняла оную до краёв (но не выплёскиваясь понапрасну). Теперь сей зверь ощущал себя этаким богатырём среди бурых медведей, истинным Царём таёжных просторов Сибири, Гулливером в стране Лилипутов (ежели бы ведал значение сих понятий).

Мордашка расплылась в нечто, похожее на лукаво-весёлую улыбку, он поднял повыше голову и лизнул Ладино лицо, легковесно поднялся на лапы, чуть не свернув ноги подруги.

Лада от неожиданности взметнулась вверх и назад с диким мявканьем, растопырила в боевую позицию когти: промелькнул животный ужас от осознания того, что произошло непоправимое и вновь придётся вступать в бой, но уже – с *бывшим* другом. Мишка стал *мутантом*, а, значит, собственностью мертвяка!..

И каково же было её удивление, когда, вместо наихудших опасений, перед ней игриво и азартно, аки малый медвежонок, ещё не ведающий, что мир крайне жесток к слабым и беззащитным, скакал довольный сим миром на все сто десять процентов родной Михайло. От такого упали руки, в буквальном смысле отвисла нижняя челюсть, в глазах калейдоскопом мельтешили самые противоречивые эмоции.

- Мишка, ты ли это?! – не то промяукала не верящее, не то профырчала рысь. – Ты ли тот шатун, что немножко напугал меня когда-то по весне? Ты умирал… а теперь… Жи-

вее живых! Неужто тебя незаметно от меня подменили! Точно не чёрный мутант, но и не совсем *тот самый* медведь, - под конец монолога в малопонятной речи улавливались растерянность, сомнение и недоверие.

Бурый медведь выплясывал вокруг девушки затейливые кренделя, в ответ слюняво облизал лицо – чему Лада вяло сопротивлялась – и дальше попрыгал. Мол, подруженька ненаглядная, я всё тот же бурый мишка, всё также люблю и предан тебе – в противном случае не загонял бы себя много-много вёрст по полям, лесам и долам, не терпел змеиный укус, не рискнул напасть на кошмарную чёрную тварь.

Оборотница вонзила пытливый пронзительный взгляд на плясуна, этакого полутонного кузнечика, следя оным за хаотичными передвижениями. Однако, как ни пыталась проникнуть в сам*ую* душу в поисках затаившейся мерзости, ничего дурного не обнаружила. Ну не удержалась в нём плесневелая вонючая гниль! Да, Лихомань оставила неизгладимый след, произвела некоторые изменения в организме. Только вот результат до конца не осознавала: очев*и*дно изменился – ни в мутанта, ни в безжизненную жирную кляксу… Что-то третье? Например, поборол разрушительную атаку заразы, приспособил под свои интересы и выработал особую защиту от оной.

Да чего гадать? С наскоку в новом феномене не разберёшься, ежели вообще возможно разобраться. В итоге мысленно махнула лапой-рукой на трудную задачку, оставив ре-

шение её на неопределённое «потом». Ежели, конечно, будет сиё «потом». Кабы старые задачки вычислить, кои имеют вполне конкретные физические облики и имена.

Наконец, Михайло надоело устраивать хореографическое шоу. Он уселся перед девушкой – даже сидя возвышаясь над ней – и вопросительно-выжидающе воззрился на объект бесконечной любви и преданности. Лада помотала головой, выбрасывая все сомнения и опасную мнительность прочь.

- Мишка, подскажи несмышлёной, как ты стал таким… как сейчас? – попросила, умоляюще профыркав, она – любопытство лишь укоренялось.

Медведь то ли внял просьбе, то ли по совпадению сторожко коснулся правой лапой её плеча, - но только на Рысь словно озарение снизошло с неба Сварога.

- До чего же я тугая на ум! – шипяще воскликнула девушка.

Пока холила и пестовала в себе вселенскую печаль, подсознание трудилось, не покладая «рук». Ладушка, не осознав сего, создала действенную программу лечения – создала ещё тогда, когда плакала над Колей. Ритуал!! Именно с его помощью Мать-Природа скрепила с человеческим существом связь, прочнее коей не существует на Земле. Сия связь крепче супружеских или родительских уз – её не разорвать и смертью. Теперь Мать не покидает дочь ни на мгновение, готова помогать в каждый момент. А подсознание, как идеальный исполнитель и неутомимый трудяга, воспользовавшись

предоставленным ресурсом, исполнило, что называется, директиву безукоризненно. Недаром учёные мужи заверяют, что человеческий мозг – суперкомпьютер, не имеющий аналогов среди людских же технологий, сколь бы продвинутыми оные ни были.

- Какая же я дурра! – миндалевидные глаза наполнились горючими слезами. Она попыталась утереть их мозолистыми ладонями, но лишь размазала по шерсти. – Я ведь могла вылечить моего Колю! – и уже не стесняясь, зарыдала-закричала, мысленно проклиная себя самыми страшными словами, какие знала.

Хищник опустил нос так, как будто он был виноват в Ладином промахе.

Сделав пару шагов, оборотница доверительно уткнулась в широкую мохнатую грудь. Всё, что оставалось ни в чём неповинному бедолаге, так это свесить голову на узкую спину и аккуратно обнять когтистой лапой.

- Нет, мишка, мне прощения и оправдания, - прохлюпала, шмыгая носом, она. Отчего медведь ещё виноватее себя ощутил.

Тем не менее девушка отстранилась от зверя, решительно вытирая мокроту с лица – слезами да самобичеванием Николая не вернёшь, тут и Мать-Природа бессильна.

Она хотела сжать пальцы в кулаки, однако, как известно, кошачьи не могут этого свершить ввиду иного строения костяшек, сильно разнящихся с таковыми людей. При-

шлось стиснуть челюсти до скрипа клыков и поджать губы в узенькую полоску. Зеленовато-янтарные глаза потемнели от неистовой ярости, , сравнимой, верно, с яростью древнескандинавских берсерков и иже с ними.

Хоть взгляд и рвущиеся изнутри горячечные чувства вовсе не предназначались мишке, всё же неуютно стало *ему*, как если бы он шибко был виновен в гибели Княжинского, а не бывший собрат по биологическому виду. Михайло отворачивал голову то влево, то вправо, то вниз – и даже не видя, всеми фибрами души ощущал обжигающее пламя очей. Ух, и злющая двуногая сейчас – как тысяча росомах или стая муравьёв из разорённого гнезда! Такой под горячую лапу лучше не попадаться, такою её доселе не знал.

Не выдержав дикого напряжения, медведь приподнял зад, неуклюже развернулся на сто восемьдесят градусов и снова взгромоздил его на землю с тяжёлым хлопком, понуро наклонил голову книзу.

А потом что-то неуловимо изменилось в окружающей среде. Мишка, озадаченно укнув, подскочил так, будто рядом прозвучал ружейный выстрел дуплетом (опасность коего знал на собственном опыте), завертелся на месте волчком, пытаясь определить источник беспокойства. Оказывается, Лады и след простыл! Вот токмо стояла за спиной – и уже еле заметно сквозанула, как легкокрылый ветерок. Куда пропала? Да так тихо, что и царь тайги не заметил «пропажи»!

Плеск, на грани слуха, в воде озера возвестил о направлении сего «ветерка».

Тяжеловесные габариты не помешали броситься вослед с крейсерской скоростью, зовущий рёв огласил всю тайгу в округе: оборотница не одна, с ней самый свирепый лесной хозяин.

Лада размашисто, вовсе не по-кошачьи, плыла туда, куда вёл хорошо зримый чёрный шлейф – к небольшому островку, откуда явственно несло ледяной Тьмой. Той самой Тьмой, что повстречалась у вырытой Весимиром ямы с изъятым артефактом и сковывавшей движения, крадущей силы Коленьки и его верного пса. Давление мрачной безнадёжности медленно сходило на нет, - значит, Волхв успел-таки отрыть второй могущественный источник тёмной, неживой, силы. Опоздала! Мутантов неспроста натравил на неё Кощун.

«Как люди-то жили подле подобной мерзости?» - искоркой промелькнула скоротечная, несвоевременная, мысль, растворившись в подрагивающем мареве над озером.

Глава 4. Участковый и ведунья

Дом просторный, бревенчатый, старый, с ещё допотопными деревянными окнами – пластиковых отродясь не знал за более, чем шестьдесят лет с момента возведения. Не знает он обоев – да и вообще евростандартных ремонтов. Обставлен скромно, почти по-спартански, с базовым минимумом, добротной советской мебелью, про кою обычно говорят, что ещё век простоит и ничего ей не сделается. Немного и вещей, на дощатом, свежепокрашенном, полу несколько стареньких ковровых дорожек, паласов и вручную связанных кружков, наверно, бабушкой владельца бориковской недвижимости.

А владельцем сей скромной обители является никто иной, как местный участковый в звании аж капитан – Рахманинов Абельгаяз Расулович.

Он возлежал на топчане – естественно, стареньком, с облезшей обивкой – и меланхолично размышлял о перипетиях своей несчастной, до одури рутинной, жизни. На круглом самодельном, но добротном – как всё в доме и на участке подле, сделанное собственными руками – столтке стояли не самый дурственный коньяк, выпитый на половину, и пятидесятиграммовая рюмашка из нержавеющей стали с надписью, выгравированной на боку, «Катунь»: товарищ из Горно-Алтайска подарил её ему после того, как «дембельнулись» в

Республике Саха. Гаяз в ответ тоже подарил памятный сувенир, но вот какой – из головы за двадцать девять лет начисто вышибло циклично трудными временами.

В то золотое время Гаяз был худосочным, щупленьким, скромным пареньком, не умеющим отстоять свои права и свободы. А Михаил с алтайскими генами в своём народе считался настоящим баатыром, говорят, ничуть не уступающему легендарному Сартакпаю. Миша органически не переваривал несправедливость, потому после первой же недели расположения в части отправил двух таких же новобранцев-«духов» в глубокий нокаут, после коего почему-то именно пострадавших увезли в неизвестном направлении. С Михаилом и Абельгаязом обошлись, мягко говоря, странно, весьма неординарно: начальство проигнорировало инцидент, как если бы его и не было. То есть, обошлось без последствий для обоих. Сержантики – те, что вчерашние «духи» - алтайского баатыра боялись до икоты, потому служба у двух товарищей пролетела легко и незаметно. За два года Мишаня выковал из «дохлого татарчонка» - как тот беззлобно любил говаривать – настоящего, всамделишного сугышчы (упрощённо – «боец, сражающийся, тот, кто участвует в бою») и батыра в одном лице. Что Гаяз считал невозможным в принципе…

Не смотря на приличную дозу алкоголя в крови, участковый подскочил с топчана без эксцессов, не перевернув ни бутылку с коньяком, ни двухлитровую открытую стеклян-

ную банку с ассорти засоленных помидор и огурцов – оные являлись единственной закуской. Затем одним движением смахнул содержимое стола в низкий шкафчик тут же. Он наступил на крепкий, без единого признака наступающего на пятки возраста, голый торс скомканную чёрную футболку с натуралистичным изображением ревущего медведя на фоне дальней тайги: купил на маркетплейсе, прямиком из Китая «по синей лавочке».

Капитан, натянув на стопы скрипучие стоптанные резиновые тапки, стремительным бесшумным шагом покинул сени, не закрывая дверь – от наглых насекомых спасала добротно установленная антимоскитная сетка с магнитными держателями.

Обогнув избу по восточной стороне, как раз мимо сенцов, вышел во двор с парадной стороны, где под открытым небом стоял ухоженный, относительно свежего выпуска, «хантер» на бетонной площадке. Дальше, за ним – самодельные двустворчатые ворота с ручным «приводом» слева, а справа – металлическая калитка, тоже самосваренная. За коей, собственно, в полной нерешительности топтались две немолодые тётки, не ведая, что делать дальше: собаки на участке нет в поле обозрения, звонка нет, ограда и ворота, мягко говоря, несерьёзные. Но войти без приглашения на чужую территорию не позволяли робость и тот факт, что приехали аж к целому действующему капитану полиции.

Со скрипом давно не смазываемых петель открыл двер-

цу, выглянул наружу – приехали на старенькой, со ржавыми порогами и крыльями, тёмно-синей «хонде-цээрвэ» первого поколения: махнул ладонью дружески дяде Вите, шаркающему с авоськой к магазину на той стороне Центральной улицы. И только после этого отошёл сам в сторону, пропуская женщин. Парочка стареющих матрон в нерешительности замешкалась, боясь глядеть в хитрющие, слегка раскосые, глаза, одними ими и улыбаясь понимающе.

Без обиды и раздражения неспешно вынул из правого кармана спортивных трико служебное удостоверение, лихим движением раскрыл его и поднёс поближе к напряжённо-заинтересованным лицам, не спеша убирать обратно. Дамочки разом тщательнейшим образом сличили фотографию с наглядным оригиналом, досконально изучили информацию и только опосля облегчённо выдохнули – перед ними самый настоящий участковый, пусть и одет не по форме, в бытовое.

Гаяз вопросительно взвил левую бровь – мол, что теперь-то мешает войти во двор! Дамы его немой вопрос считали сразу же: одна из них, худощавая, заплетённая в один простой хвост, в джинсовом платье, в очках с непомерно большими линзами, смущённо прокашлялась в кулачок и… промолчала. Вторая, с большой надеждой, пышнотелая, с монументальной грудью, распущенными волосами, в блузке и штанах, смотрела то на вмиг потерявшуюся подругу, то на симпатичного капитана, однако так же не решалась первой начать разговор.

Участковый дураком ни в коем случае не являлся, знал, что на женщин *любого* возраста воздействовал подобным образом. Увидев его впервые, многие очаровывались им настолько, что теряли связность речи, рдели, как молоденькие девочки на тайном свидании, подпадали под какое-то магическое обаяние. И сии дамы бальзаковского возраста таяли невольно перед ним, становясь похожими на дурочек.

Абельгаяз Расулович радушно улыбнулся, показывая все тридцать два здоровых зуба, шутливо-суровым голосом позвал:

- Пройдёмте в дом – нечего мозолить глаза добропорядочным гражданам…

… - Рассказывайте, гражданочки, с чем пожаловали, - уже без игривости и шутливости в голосе предложил капитан женщинам за раздвижным столом, на кухне, успев накинуть на себя форменные китель и брюки. На поясе, в кобуре – «пээмка». – Только говорите по очереди и внятно, - охолонул он их, когда понял, что затараторят, как пить дать, автоматной очередью, перебивая бесцеремонно друг друга.

Худощавая моментально натянула на лицо маску учительской строгости, строго же глянула на подругу – та понятливо кивнула и приготовилась слушать.

- Мы сейчас живём ва дачном посёлке, на левом берегу Яи, недалеко отсюда, - голос стареющей «учительницы», хоть и был предельно вежлив и корректен, даже немного суховат, но, на удивление, не лишён приятного тембра, отчего

слово «дама» в её отношении приобретало несколько иной оттенок. Незаметно для женщины, присмотрелся более детально к говорящей, стараясь дышать через раз и потише – изо рта почти наверняка несло свежим коньячным выхлопом: ну, точно, - если провести определённые косметические процедуры, приодеть во что-то более симпатичное, заменить доисторические очки на контактные линзы и… допить початую бутылку коньяка, который ждёт-недождётся в сеночном шкафчике, то одну ночку томную да тёмную провёл бы с ней. При условии, что ранним утречком она растает, как туман под палящими лучами солнца, раньше, чем проснётся сам, оставив о себе лишь воспоминания – а более ничего.

Дамочка старательно повествовала о днях минувших, стараясь ни одной детали не упустить – Абельгаязу Расуловичу практически не приходилось задавать даполнительных и уточняющих вопросов, что его несколько удивляло и радовало одновременно. Может, и впрямь профессиональная школьная учительница? Нет, маловероятно, она на даче уж немалый срок безвылазно трудится. Учебная пора заканчивается для «мучеников науки», но ни как не для педагогов.

Вторая, весьма пышная, только и делала, что податливо кивала, заглядывая подруге чуть ли не в рот, дипломатично, на всякий случай, отмалчиваясь: худая в сей двойке однозначно у руля абсолютной власти и прекословия не терпит.

Голос рассказчицы постепенно менялся от профессионально докторского к плаксиво-жалостливому, с едва сдер-

живаемыми рыданиями да слезами, став по-женски живым. У полной всё-таки блеснули в глазах маленькие упрямые слезинки. В интонациях всплывали на поверхность страх, неуверенность, печаль, тоска, говорящие о том, что мужчины за много лет совместно прожитой жизни не настолько опротивели, чтобы оных терять безвозвратно. И они абсолютно уверены в дурном исходе и готовы поверить даже в проказы леших и водяных, но не в бегство с семейного корабля.

Дело обстояло так.

Стояла несусветная жара, а в зной не по-сибирски тяжеленько возиться на земле. Потому решили два закадычных друга детства (а, скорее всего, жёны разрешили решить) порыбачить – да не в Яе, как все нормальные рыбаки, а на Почитанке, по сути – «переплюйке», - благо, есть старенькая лодка с вёслами. Взяли весь прилагающийся инвентарь и усвистали чуть выше слияния двух рек. Первое время Гриша (муж рассказчицы) на связь выходил без замедления – телефон у него допотопный, зато с мощной антенной, ловит там, где нынешние «андроиды» навороченные «садятся в калошу». А затем связь резко оборвалась: непросто оборвалась – гудки идут, а трубку не берёт. Нет – гудков тоже не было, как будто аппарат или полностью выключен или сломался. То есть, звонок в никуда. А у них было условие, дабы женщинам лишний раз не нервничать: если не успел ответить на звонок (мало ли – там, рыбу тянет, в кустики по нужде

ушёл, в воде купается али ещё какие причины), обязательно перезвонить.

- Предположения какие-то есть? – на всякий случай переспросил Абельгаяз, нахмурившись в задумчивости – было видно, как женщина титаническим усилием воли сдерживает рыдания, аж в глазах залегли тени. Их обеих стало даже немного жаль.

Он предполагал услышать, что угодно, но только не то, что звонко, словно по натянутым струнам, вылетело из её уст:

- Наши мужчины, если берут лодку, то чаще всего удят на левом берегу Почитанки, недалеко от слияния и, соответственно, наших дач. Мы с Маришей (очередной утвердительный кивок Мариши) сплавали к тому месту на второй – моторной – лодке и ужаснулись тому, что увидели собственными глазами (ещё один кивок подруги), - рассказчица замолчала на несколько секунд, дабы невольно судорожно сглотнуть, пару раз вдохнуть-выдохнуть для успокоения пошаливающих нервов и вновь продолжить надтреснутым мрачным голосом: - На берегу было много медвежьих следов. Я, как дочь охотника, не единожды видела следы взрослых медведей (и медвежат) – и свежие, и оплывшие от времени и различных погодных условий, однако такие – впервые. Во-первых, они заметно глубже, во-вторых, в полтора раза длиннее и шире, в-третьих, длиньше и толще когти, судя по глубине и ширине ямок, оставленных ими, и, наконец, расстояние между передними и задними лапами увеличено. Я

не знаю, *какой* должен быть медведь, судя по перечисленным характеристикам, *чем* питаться и *сколько* ему лет. Точнее, им, - когда участковый взвил в любопытстве левую бровь, женщина севшим голосом поспешила пояснить свои выводы. – Два порядка размеров следов – одни чуть меньше, но, тем не менее, привычные бурых медведей ни в какое сравнение не идут.

Абельгаяз выслушал внимательнейшим образом и, мягко говоря, был малость обескуражен. Эта хрупкая на вид, маленькая женщина оперировала фактами, кои, скорее всего, пришлось бы собирать егерю. Закралось в душу сомнение: сия дама т*о*чно лишь дочь охотника, - пусть и бывалого?

Похоже, дамочка что-то узрела на лице капитана полиции, поскольку криво усмехнулась, а затем улыбнулась одними губами, - невообразимо печально. В глазах же застыла смертная тоска.

Абельгаяз Расулович справился-таки с неподобающими его рангу, в подобной ситуации, эмоциями. Совершенно спокойно, немного суховато, поинтересовался:

- Любые хищники – какими бы переростками ни были – оставляют хоть какие-то останки…

- Ни-че-го, - не этично и сурово перебила женщина в очках. – Мы с Маришей не то, что растерзанных останков или лоскутов рваной одежды не обнаружили, но даже и лодки со снастями. Да и крови и нигде нет… Я со студенческих лет не отличаюсь суеверностью, религиозной пристрастностью,

верой в чудовищ, призраков, инопланетян и прочую блажь, придуманную человечеством за тысячи лет существования; равнодушна к эзотерике, астрологии, хиромантии и прочему в том же духе; для меня мифы, легенды, сказки – это небылицы, придуманные людьми (и придумываемые до сих пор), дабы хоть как то объяснить непознаваемое, неподдающееся разуменью. Но сейчас… там, на берегу… - она смолкла, зло вытирая выкатившиеся без её ведома слезинки с лица, став совсем некрасивой. Впрочем, горе ещё никого не красило и не молодило.

Участковый решительно поднялся на ноги, чем напугал престарелых подруг, указав на выход кивком головы, приказным тоном задал вектор направления:

- Ждите у машины – прокатимся до места происшествия, пока не стемнело, - и тут же для уточнения добавил, ободряюще улыбнувшись: - у «ментовской» машины, а я пока припудрю носик – вдруг моё обаяние пригодится…

Хоть дороги и успели пообсохнуть за день под беспощадными обжигающими лучами солнца, всё же не везде «хонда» потерпевших проползла бы в нужном направлении. Непотопляемый «хантер» в основном шёл бодрым ходом, где проскакивая заболоченные низменности и колдобины на скорости, а где и приходилось, выражаясь по новомодному сленгу, «подрифтить». Однако и относительно свежий «УАЗик» не всесилен – разок без лебёдки не обошлось: подруги уже несколько раз и мысленно, и вслух поблагодарили (где

участковый и услышал впервые голос пышнотелой – вопреки внешности, весьма благозвучен на слух) Абельгаяза Расуловича за то, что позволил их уговорить ехать в отечественном внедорожнике. На что он не без едва заметной гордости ответил:

- Сей образчик нашенского автопрома рассчитан производителями на направления дорог, а не на наличие оных.

На что женщины охотно согласились. Их-то пожилому «японцу» уж более двадцати лет.

Доехать напрямую до «места преступления» оказалось решительно невозможно даже всемогущему «хантеру», поскольку путь преградил густой тёмный ельник. Дальше тройка пошла пешком, вдоль берега «переплюйки», предварительно заперев машину на автосигнализацию.

Впереди шла неутомимая Татьяна Викторовна – так зовут рассказчицу, - как лучше всех знающая местность. Она совершенно не обращала внимания ни на чавкающую грязь под ногами, ни на налипающие хвоинки и сухие веточки на одежду и в волосы, пёрла, аки носорог в саванне. Торопясь попасть к месту потенциального преступления, увязнув в невесёлых мыслях (собственно, отчего оным быть радостными, когда муж, возможно, погиб?), не оборачиваясь назад, дабы убедиться, что никто не отстаёт. Чай, не дряхлые старцы, успевайте поспевать.

Глядя в согбённую спину под бременем навалившихся невзгод, капитан Рахманинов диву давался – стареющая ма-

дам могла фору дать молодым в забеге по пересечённой местности. Как говорится, танки грязи не боятся: чаще всего дети советской эпохи, если не вливают в себя цистернами алкоголь, никотин и стрессы, покрепче будут нынешней молодёжи, чересчур увлекающейся всякими вейпами и просиживающей сутками напролёт в интернете. По крайней мере, его дети, проживающие с бывшей супруженницей, без соцсетей жизни не видят. В своих приоритетах, как ни печально осознавать, папочка стоит, примерно, на предпоследнем месте. Да и на кой ляд им выезжать из «благоустроенной цивилизации», то бишь Кемерово, в какую-то «жопу мира» (так выражается бывшая, под сей фразой имея ввиду не только родной Яя-Борик, но и любой населённый пункт численностью меньше, чем в кузбасской столице)?! Как будто бы на селе тем и занимаются поголовно, что «коровам хвосты крутят» и из-под этих самых хвостов цельный день разгребают падающие «лепёшки»! Обидно до глубины души, а, даже будучи госслужащим, ничего с этим поделать не в состоянии.

Замыкая тройку, позади неуклюже семенила Маришка. Она громко, с надрывом, сипела, мучимая усталостью, жаждой, одышкой и обильным потовыделением - блузка пропиталась им основательно, распущенные волосы спутались, кулаки то и дело смахивали его с глаз. Матронна медленно верно отставала от шустрой группки, не смея окликнуть, напроситься на необходимую передышку. Откуда у Танечки взялись столько сил и воли? Никогда бы не подумала, что сей за-

ядлый курильщик, по имени Гришаня, столь ценен подружке!

В глазах уже начало темнеть и Маришка готова была позорно сдаться да запросить пощады, когда они, слава богу, остановились на гипотетическом месте рыбалки пропавших мужей.

Из-за тог, что алкоголь «отпускал» с неприятными последствиями, Гаяз лишь сейчас убедился в правдивости, как минимум, в нескольких моментах раннего повествования Татьяны Викторовны. Он оглядывался по сторонам, не веря собственным глазам, нервно затеребил старенькую кобуру казённой «пээмки», справа на поясе, напряжённо думал и сопоставлял. Попутно проклинал, как ни странно, не посетительниц, свалившихся, как снег на голову, без желательно предварительного звонка, - а себя, за невоздержанность употребления коньяка, мешающего думать плодотворно, ясно и быстро, как компьютер.

Женщина в очках-то не обманули и «не себе на уме», с богатой фантазией не состоявшейся в жизни дамочки! Берег просто изобиловал хаотичными медвежьими следами, словно июньский луг – полевой земляникой. Он много раз, как заядлый любитель сбора дикоросов, вживую встречался с хозяином тайги (и каждый раз везло распрощаться мирно) в естественной для того среде и пару раз с детьми до развода, в новосибирском зоопарке. То есть представление о косолапых имеет самое непосредственное, не понаслышке, как

иные любители поболтать на таёжную тематику. Естественно, никогда не задавался вопросом, какого у них размера стопы и когти и как сильно способны продавить тот или иной вид поверхности, по которой ступают, - однако визуальная память, если и не феноменальная, то отличная точно. Капитан отнюдь не всегда был участковым, всего лишь последние два года.

Они огромные! Следы…

Похоже, капитан Рахманинов употребил сию эмоцию вслух, поскольку на реплику, чуть-чуть обиженно, ответствовала Татьяна Викторовна, приводящая задохнувшуюся подругу в подобие порядка:

- Молодой человек (на самом деле разница в календарном возрасте не столь уж существенна), я, конечно, маленькая, но не лгунья! В сверхъестественное, до недавнего времени, не верила, как уже упоминала ранее!..

Полицейский самую малость смутился нежеланной невоздержанности сво*е*й персоны и назидательному тону женщины, потому решил искренне извиниться и оправдаться:

- Простите, уважаемая Татьяна Викторовна, - чем, естественно, смягчил «окаменевшее» сердце.

- То-то же.

- Право слово – никак не желал задеть ваши чувства, но трудно поверить старослужащему, атеисту и прагматику до мозга костей, во что бы то ни было, тем более – фантастическое, пока не узреет собственными глазами!

- Узрели? – нотки металла из голоса – как и обиды – пропали, а грусти и надежды пополам вторглись.

Пытливы взгляд упал случайно на нечто, вяжущееся с местом ещё меньше, чем полутароразмерные медвежьи следы с углублениями под соответствующие когти. Эти следы сами по себе необычные и странные, одновременно и похожие и непохожие на озвученные Татьяной персонажа сказок многих народов России, разве что гулливерского роста. А между ними затесалась матово поблёскивающая, на вид жирная, клякса, отдалённо напоминающая амёбу в движении, увеличенную раз этак в три-пять тысяч, - а то и более. Словно с некоей высоты пролили кипящую смолу – да так и оставили остывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.